39

Всесоюзная
Книжная Палата
Обязат. экземпл.
1952 г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 59 (2932) Четверг, 15 мая 1952 г. Цена 40 коп.

За высокое искусство рассказа

Пушкинская «Метель». Лермонтовская «Тамань». Начало русской художественной прозы было в то же время и рождением русского рассказа. От Пушкина и Гоголя до Чехова и Горького, кажется, не было в нашей литературе великого писателя, который не внес бы своего вклада в бессмертную сокровищницу русского рассказа.

Небольшое произведение — иной раз всего лишь несколько страниц — приобретало под рукой таких художников слова, как Тургенев, Толстой, Салтыков-Щедрин, Глеб Успенский, огромную силу обобщения. Такой чеховский рассказ, как «Палата № 6», выносил смертный приговор уродству и безобразию частнособственнического мира. Как бы в мгновенном озарении, возникал и навеки запечатлялся в сознании многих поколений читателей и чеховский «Человек в футляре» и Ленька из рассказа Горького «Страсти-мордасти». Рассказ писателя, вооруженного ясным общественным идеалом, помогал в самых мрачных, поистине безысходных условиях существования увидеть красоту человечности, предвидеть грядущее торжество человека.

Работа над рассказом всегда была школой мастерства для писателя. Не случайно Гоголь начинал с «Вечеров на хуторе близ Диканьки», Тургенев — с «Записок охотника». Такими рассказами, как «Макар Чудра», «Челкаш», «Старуха Изергиль», Максим Горький завоевал себе любовь читающей России. И уже много лет спустя писал он начинающему литератору: «От рассказа требуется четкость изображения места действия, живость действующих лиц, точность и красочность языка, — рассказ должен быть написан так, чтобы читатель видел все, о чем рассказывает автор».

Рассказ перед читателем — весь, как на ладони. Здесь непозволительно никакое послабление творческой дисциплины, невозможна вялость стиля, здесь мстит за себя любая небрежная фраза. «В немногом — многое» — таков художественный закон этого жанра.

В советской литературе немало рассказчиков. Тысячи сюжетов новой действительности напитали советский рассказ, и этот жанр по-новому предстал перед читателем. Можно ли, не обеднив нашей духовной культуры, исключить из списка лучших достижений советской литературы такие рассказы разных лет, как «Рассказы о героях» Максима Горького, «Иванко Крылатко» Павла Бажова, «Рисунок с Ленина» Константина Федина, «Поезд на юг» Александра Малышкина, «Смертный пробег» Михаила Пришвина, «Рассказ о кандалах» Николая Ляшко.

Наш современник на всех этапах истории социалистического общества, борьбы народных масс за дело Ленина—Сталина сотни раз представал перед нами в талантливых рассказах многих авторов. Аркадий Гайдар и Сергей Диковский, Петр Павленко и Эффенди Капиев, Николай Тихонов и Леонид Соболев, Валентин Овечкин и Борис Полевой, Вадим Кожевников и Нина Емельянова, Алексей Колосов и Эльмар Грин, Константин Паустовский и Сергей Антонов, трудно исчерпать список писателей — старых и молодых, самых разнообразных направлений, несхожих между собой талантов, умноживших богатства советского рассказа. Всех их, несомненно, объединяло одно: герой их произведений — советский человек, сражавшийся за революцию, трудившийся беззаветно, поворачивавший реки, зимовавший на Дальнем Севере, охранявший рубежи Родины, — патриот, труженик, влюбленный в жизнь, воин, сын партии большевиков.

В маленьком рассказе Петра Павленко, опубликованном в свое время в журнале «Огонек», — «Идут дожди», писатель вывел скромного человека — печника Орлова. Сюжет рассказа самый обыденный. Дело происходит перед выборами, активист с избирательного участка, печник по профессии, решает «подрепетировать», проверить заранее, как скорее доставить сведения о выборах в областную комиссию: с конным нарочным, с автомашиной или пешком... Идут южные, зимние дожди. И вот через горный перевал карабкается в ночной мгле бескорыстный человек, а когда приходит через пять часов в город, тут, в гостях у рассказчика, раскрывается полностью его характер: ворчливый человек, новатор печного дела со своими бедами и радостями... Вот он весь перед нами — на нескольких страничках: талантливый русский человек, опередивший в непогоду и машину и коня... Действительно, **в немногом — многое!**

И таких рассказов советская литература насчитывает множество. Зарубежная литература и ее лучшие рассказчики — Мопассан, Лондон, О'Генри — не могли и мечтать о подобном герое, которого взял из реальной действительности советского общества наш рассказ. Что уж тут говорить о рассказе современной буржуазной литературы, растленной преступным общественным строем, как и вся буржуазная культура! Года два назад вышел в Англии новый том «Английского рассказа». Вот что писала о «жизнеутверждающей тематике» этого сборника газета «Дейли уоркер»: «Из напечатанных в нем рассказов один посвящен неудачному самоубийству, два — неразделенной любви, один — клептомании, один — убийству, совершенному ребенком, один — тяжкому несчастному случаю с пожилой женщиной, один — дефективной девушке, один — человеку, который сознательно лишил себя зрения, а темой заключительного рассказа являются похороны».

Красоте человеческого деяния, душевным силам человека, ведущим его на подвиг, новому нравственному облику свободного человека-труженика посвящена вся наша литература и, конечно, ее рассказ. В трудные годы Великой Отечественной войны, в условиях испытания всех душевных сил народа, этот жанр стал особенно популярен и не сходил со страниц центральных и армейских газет. В эту пору Алексей Толстой писал «Рассказы Ивана Сударева», в эту пору появился цикл рассказов Леонида Соболева «Морская душа», в эту пору впервые получили народную читательскую аудиторию многие молодые писатели-рассказчики.

Некоторый спад интереса к рассказу (со стороны писателей и редакций, а не со стороны читателя!) наступил в послевоенные годы. Создалось странное положение: когда толстые журналы почти полностью перестали публиковать рассказ, критика забыла о существовании этого жанра, многочисленные эстрадные сборники и радиопрограммы заменили полноценный рассказ отрывком из повести или романа. Советская общественность встревожилась за судьбу важного жанра литературы.

В течение последних двух лет наметилось новое заметное оживление рассказа. Оно пришло вместе с некоторым повышением внимания к рассказу, заботы о процветании этого жанра со стороны журналов, издательств, критики.

Издательство «Советский писатель» выпустило в прошлом году более двадцати сборников рассказов отдельных авторов, в том числе и переводных с языков братских народов СССР — В. Лациса, Ю. Яновского, К. Лордкипанидзе, Я. Брыля, П. Козланюка. Редакция журнала «Новый мир» возобновила добрые традиции русской периодики: почти в каждом номере журнала читатель получает наряду с произведениями большой формы один или даже несколько рассказов. Газеты стали с большей, чем прежде, охотой печатать рецензии на книги рассказов и даже на отдельные рассказы. Журнал «Огонек» провел конкурс, который также сыграл свою роль в деле оживления жанра. Гослитиздат СССР подготовил и частично выпустил в продажу (к сожалению, разрозненными томами) большой трехтомник лучших советских русских рассказов. В республиках Советского Союза вышли аналогичные сборники, в том числе объемистая, отлично изданная в Киеве «Українська радянська новела».

Наконец, особо следует отметить замечательный факт присуждения Сталинской премии в этом году за рассказ венгерского писателя Шандора Надя «Примирение», опубликованный в № 3 журнала «Новый мир» за 1952 год.

Далеко не все литературные журналы и издательства проявляют необходимую заботу о развитии жанра рассказа. Нельзя мириться с тем, что, например, журнал «Октябрь» не опубликовал ни одного рассказа за весь 1951 год.

Литературная критика должна обратить внимание на рассказы, публикуемые в тонких журналах, в первую очередь в «Огоньке», и, далее, в «Советском воине», «Смене», «Работнице», «Крестьянке», «Молодом колхознике», в журналах, выходящих большими тиражами и имеющих массового читателя. Наряду с посредственными произведениями, встречающимися в этих журналах, читатель находит и по-настоящему талантливые рассказы. Серьезный, доброжелательный повседневный разговор о них так же необходим для развития и процветания этого трудного жанра, как и объективная критика произведений слабых, небрежно написанных, обедняющих изображаемую действительность.

В жанре рассказа заметны многие недостатки нашей прозы. Пишутся еще рассказы малосодержательные, скользящие по поверхности жизни, подменяющие подлинное изображение действительности красивостями стиля, а реальные конфликты — дешевыми эффектами. Может быть, поэтому, перелистывая комплекты журналов, не часто находишь рассказ, который надолго запал бы в сознание читателя, взволновал его, внутренне обогатил.

Союз советских писателей наметил провести осенью этого года в Москве совещание русских рассказчиков. Следует предполагать, что подготовка к этому совещанию, в частности, будет содействовать повышению интереса литературной критики к теории рассказа.

Работы здесь — непочатый край. Удивительно многообразен жанр советского рассказа — и по стилевым признакам и по теме!

Тут есть о чем поспорить! Зачастую слышатся неверные высказывания, будто бы малой форме свойственно и малое содержание, малый герой, малая мысль. Ход подобных рассуждений таков: то, что не может в силу своей малости стать материалом или сюжетом романа и повести, именно это, естественно, берет «в свои невода» рассказ.

Глубоко неверная и вредная «концепция»! В той мере, в какой она способна воздействовать на практику рассказа, она, безусловно, снижает идейные возможности благородного жанра, обедняет его. Не отсюда ли идет и некоторая однотонность рассказов, наметившаяся в последнее время? Нет, рассказ — не уголок картины, не отрывок, а сама картина. Он заслуживает суждения, как полноценное произведение искусства, способное донести до сознания и чувства читателя большое содержание. Разумеется, должны учитываться особенности жанра: нельзя требовать от рассказа всей полноты мотивировок, вполне законных в произведениях большой формы, нельзя загромождать рассказ ненужными подробностями, продиктованными побочными, зачастую перестраховочными соображениями.

Найти тенденции — положительные и отрицательные, действующие в рассказах последних лет, обнаружить и проследить эти тенденции на материале произведений — долг нашей критики. Она должна помочь писателям-рассказчикам найти пути творческого преодоления тех недостатков, которые свойственны сегодня рассказу в той же мере, — если еще не в большей! — как и другим жанрам литературы.

Советский читатель ждет рассказа с волнующим и глубоким содержанием, рассказа с большим и умным героем, рассказа, в тесных рамках которого вместился простор нашей действительности!

Что думают в военных кругах Франции о германской проблеме

◆

Мишель ЛИМБУР

◆

Несколько месяцев тому назад генерал Пети в предисловии к брошюре, озаглавленной «Завтрашний день французской армии», писал: «Глубокая тревога охватывает французскую армию и, в частности, кадровых офицеров, на долю которых выпала тяжелая ответственность подготовки солдат к войне». Эта армия, продолжает он, «влачит жалкое существование, томится смутными предчувствиями и пребывает в состоянии неопределенности и даже страха за свое собственное будущее и за будущее самой Франции».

Результаты опроса, проведенного редакцией католического журнала «Эспри» в мае 1950 года, показали, что большинство солдат и офицеров находится во власти этого душевного смятения. Конечно, главной причиной этого является сам капиталистический строй, требующий от армии не защиты национальных интересов, а служения господствующему классу. Но одна из конкретных, непосредственных причин недовольства и тревоги, существующих в настоящее время, заключена в политике восстановления немецкого милитаризма. Проводя подобную политику из своих узкоклассовых соображений, крупная французская буржуазия и послушное ей правительство взяли на себя тяжелую ответственность.

По этому поводу морской офицер капитан первого ранга Луи де Вильфосс писал: «Дело перевооружения Германии заставляет нас серьезно призадуматься. Неужели действительно придется стоять на вытяжку перед генералами-бошами, пожимать руку бывшим военным преступникам и вешать свое кепи среди их фуражек?». Все это еще смутно, неопределенно, но французские офицеры начинают ощущать нависшую угрозу. У одних это просто страх за свою жизнь. Дисциплина, привычка беспрекословно повиноваться теперь уже бессильны заглушить тревогу. У других это беспокойство носит более благородный характер: возникает острое противоречие между их совестью французов и их новым «долгом».

«Какова политика — такова и армия», — гласит поговорка. Армия Франции является результатом ее «атлантической» политики. Командование французской армии было в руках Эйзенхауэра, ныне возможного кандидата на пост президента США, теперь оно переходит к Риджуэю, генералу от бактериологии. В довершение ко всему французские офицеры и солдаты должны быть в рамках «европейской армии» включены в легионы наемников, завербованных в Западной Германии. В этих условиях правящим кругам Франции приходится туговато, когда они пытаются обеспечить высокий боевой дух своей армии, проповедуя, подобно Шуману, «европейский патриотизм», или, подобно фашиствующему генералу Бийотту, «верность Атлантическому союзу».

Вопрос о важности морального фактора, о его непосредственном влиянии на боеспособность армии был неоднократно освещен И. В. Сталиным, и, в частности, в его известной беседе 17 февраля 1951 года с корреспондентом «Правды». «Понятно, — указывал тогда И. В. Сталин, — что самые опытные генералы и офицеры могут потерпеть поражение, если солдаты считают навязанную им войну глубоко несправедливой и если они выполняют в силу этого свои обязанности на фронте формально, без веры в правоту своей миссии, без воодушевления».

Орган Федерации республиканских офицеров запаса — журнал «Л'Арме франсез» в связи с этим писал о будущих «атлантических» и «европейских» формированиях: «Если французская армия будет включена в европейскую армию, она превратится в лучшем случае в иностранный легион, а в худшем — в сборище наемников, которых реакция сможет использовать для любой цели». Именно к этому неминуемо идет теперь французская армия, подталкиваемая правящей кликой. Такое положение отражается, конечно, на ее моральном состоянии. Как ни старается французское правительство назначать офицеров и унтер-офицеров только из числа антикоммунистических и антисоветских элементов, сколько трудов оно ни прилагает, чтобы подбирать кадры, готовые при любых обстоятельствах служить интересам французских капиталистов, которые ищут спасения в предательстве родины, — для многих офицеров и для подавляющего большинства солдат патриотизм заключается в том, чтобы защищать страну, республику и мир, а не в том, чтобы плечом к плечу с нацистскими палачами пойти в бой за восстановление «великой Германии».

В патриотически настроенных французских военных кругах понимают, что американский план «европейской армии», которому Плевен услужливо дал свое имя, построен на следующих двух основных принципах: во-первых, господство в Европе реваншистского вермахта, во-вторых, потеря французской армией ее национального характера (денационализация французской армии). В самом деле, в так называемом «европейском сообществе» реваншистской агрессивной боннской «республике» отведено господствующее положение. Эту роль обеспечит ей промышленный потенциал, а также американская поддержка, которая оказывается в первую очередь именно Западной Германии.

Американский журналист Уолтер Липпман цинично заявил в газете «Фигаро» в начале этого года: «Мы открыли путь немецкому господству в Европе, той гегемонии, которую Германии не удалось установить между 1939 и 1945 годами». Таков смысл бредовых планов американских империалистов, которым французские правящие круги помогают изо всех сил.

Ликвидация национальной французской армии неизбежно должна стать непосредственным следствием создания «европейской армии». Во время дебатов, состоявшихся по этому вопросу в Национальном собрании в феврале текущего года, французский министр иностранных дел Робер Шуман прямо признался: «Мы отказываемся от национальной армии». А вот каким образом были определены и разграничены могильщиком Франции Полем Рейно «преимущества» французских солдат в «европейской армии»: «Французы будут пользоваться правом носить трехцветный значок на левом плече», — заявил он.

Это заявление напомнило многим французским военнослужащим о гитлеровских наемниках из легиона так называемых «французских добровольцев», или из Ваффен СС (эсэсовских войск. — **М. Л.**), которые тоже носили «французскую» эмблему... на нацистской форме. Приблизительно в это же время предатель Франции, бывший офицер дивизии Ваффен СС «Карл Великий» писал в реваншистском журнале «Фортшритт», что гитлеровские войска Ваффен СС «были предтечей европейской армии». Французские патриоты — офицеры, унтер-офицеры и солдаты не могут согласиться на повторение позора Мюнхена и Виши. Тем более, что возрождающийся немецкий милитаризм сегодня, как и вчера, не собирается ограничивать свои захватнические аппетиты. «Как только в нашем распоряжении будут хотя бы пятнадцать дивизий, мы заговорим с Францией другим языком», — заявил нацистский адмирал Штюммель, близкий к Аденауэру. Нынешние французские правители уже разрешили этим реваншистам немедленно создать 12 дивизий! А боннский министр Якоб Кайзер выразился в начале 1951 года еще более точно: «Существование подлинной Европы станет возможным лишь в тот день, когда будет восстановлен германский блок». Этот блок «включает Австрию, часть Швейцарии, Эльзас-Лотарингию и, разумеется, Саар».

Стремясь подавить патриотические военные круги, занимающие враждебную позицию по отношению к восстановлению германского империализма, французское правительство пустило в ход методы фашистского нажима на армию — «служебные отставки» старших офицеров-патриотов, например, генерала Пети и адмирала Муллека; увольнение с действительной службы нескольких сот кадровых офицеров, подозреваемых в слишком большой привязанности к родине (среди них — полковник Роль Танги, герой освобождения Парижа). Реакционный американский журналист Дрю Пирсон указывал недавно, что эти меры были приняты по «совету» Эйзенхауэра, который «рекомендовал европейцам перенять систему безопасности, принятую в американской армии».

Бандиты из РПФ (деголлевская партия. — **М. Л.**) 4 мая напали на участников съезда Федерации республиканских офицеров запаса, собравшегося в Париже. На следующий день многочисленные представители французской армии выразили свою солидарность со съездом, протестуя против нападения деголлевцев.

Ни различные меры по фашизации армии, ни подобные фашистские приемы не могут заставить французских патриотов принять проект «европейской армии». В то же время французские военные круги, последовательно выступающие против плана Плевена, не считают, что сохранение раскола Германии может принести пользу Франции и делу мира.

Вот почему советские предложения относительно заключения мирного договора с единой, миролюбивой и демократической Германией были с одобрением встречены многочисленными французскими офицерами и военнослужащими. Они признают, в частности, за единой Германией законное право вновь обрести суверенитет на основе разработанного всеми заинтересованными державами мирного договора. Одним из принципов, лежащих в основе суверенитета, является содержание армии, необходимой для обороны страны.

Робер Бовье, секретарь Федерации республиканских офицеров запаса и главный редактор журнала «Л'Арме франсез», писал в номере этого журнала за апрель-май: «Национальная армия, которая могла бы существовать в такой единой, демократической и миролюбивой Германии, должна по своему значению и по своей структуре в корне отличаться как от бывшего вермахта, так и от подготовляемой ныне немецкой армии в составе «европейской армии»... Существование национальной армии диктуется здравым смыслом, она необходима для того, чтобы обеспечить немецкому народу, как и всякому другому народу, гарантию его национальной независимости и чтобы не ставить его в унизительное положение».

«Отметим, наконец, — продолжал далее Бовье, — что вывод всех оккупационных войск, ликвидация всех иностранных военных баз отвечали бы не только целям восстановления национальной независимости немецкого народа. Это явилось бы само по себе залогом мира и гарантией того, что немецкие солдаты не станут наемниками чужеземного агрессора. И тогда уже никто не сможет использовать Германию в качестве плацдарма для агрессии в Европе».

Военный обозреватель газеты «Трибюн де насьон» полковник Х. писал: «Среди них (сторонников ремилитаризации Германии) есть трубадуры немецкого милитаризма, настроение которых вдруг резко изменилось. После того, как они требовали немедленного снаряжения 12 дивизий, их пугает теперь мысль о том, что у единой Германии будет армия. Не кто иной, как самые ярые сторонники западногерманской армии, хотели бы любой ценой помешать созданию германской национальной армии. Уже одно это обстоятельство достаточно ярко свидетельствует о том, как велика разница между этими двумя армиями».

Отметив, что учреждение для нужд обороны страны национальной армии, тесно связанной с народом и оснащенной в соответствии с пунктами мирного договора, было бы прямой противоположностью «атлантическим» проектам, — автор статьи в «Трибюн де насьон» говорит в заключение: «Таким образом, можно протестовать против того, чтобы Германия беспрепятственно восстанавливала свою агрессивную военную мощь, и, в то же время, соглашаться с созданием немецкой национальной армии в соответствии с нуждами обороны страны. Можно даже пожелать того, чтобы единая Германия в близком будущем имела в своем распоряжении такую национальную армию».

Таким образом, совершенно очевидно, что ноты Советского правительства от 10 марта и 9 апреля 1952 года отвечают стремлениям патриотически настроенных военных кругов во Франции. Кроме того, эти ноты способствовали уяснению возможностей мирного и демократического урегулирования германской проблемы.

Некоторые французские офицеры были воспитаны в шовинистическом, антигерманском духе, который соответствовал целям французского империализма. Некоторые из них все еще находятся под влиянием подлых антисоветских и антикоммунистических измышлений, распространяемых продажной печатью, которая только и допускается в казармы. Однако большинство военных не может не понять правоту и разумность советской точки зрения.

Французская реакция оперирует в своей пропаганде двумя традиционными «тезисами». Прежде всего — это пугало «великой Германии» для разжигания шовинизма во Франции, а также для того, чтобы скрыть изменения, происшедшие с момента возникновения Германской Демократической Республики. И другой «тезис» — басня о «доброй Германии», с которой все же следовало бы «договориться», коль скоро представляется случай ради общих агрессивных целей заключить союз с рурскими пушечными королями.

Лживым тезисам реакционеров французский народ противопоставляет свою точку зрения: для него рурские магнаты, нацистские генералы и прочие немецкие реваншисты — враги; он солидарен с немецким народом, требующим национальной независимости и мира.

Французы относятся с особой симпатией к немецким антифашистам, которые вчера боролись против Гитлера, а сегодня ведут немецкий народ к единству, демократии и миру. Эти чувства находят свое выражение и в точке зрения патриотических военных кругов Франции.

В очерке, опубликованном в «Кайе дю коммюнизм» в июне 1950 года, генерал Жуэнвиль писал, что французская буржуазия постоянно повторяет про себя следующее бессмысленное пожелание: «Как легко было бы воевать, если бы мы могли обойтись без солдат»...

Если в 1871 году объединение Германии было осуществлено реакционерами, то теперь в авангарде борьбы за объединение находятся прогрессивные силы Германии. Недавними предложениями, основанными на уважении национального суверенитета всех народов и нужд германского народа, страна социализма дает ответ на вопросы, тревожащие французов. Советский проект мирного договора с Германией открывает путь и для урегулирования франко-германских отношений на длительный срок. Поэтому французский народ восторженно встретил эти предложения и выразил свою благодарность и неизменную симпатию Советскому Союзу и товарищу Сталину.

ПАРИЖ, 14 мая. **(По телеграфу)**

Детей ждет хороший отдых

В стране идет подготовка к летнему отдыху детей. Миллионы пионеров и школьников побывают в пионерских лагерях.

В разгаре строительные и ремонтные работы в пионерских лагерях. В дачных местах вокруг Киева заканчивается ремонт лагерных помещений. Летом за городом откроется 92 пионерских лагеря. Для детей, остающихся на лето в городе, при школах будут созданы 70 городских пионерских лагерей. На берегу Аму-Дарьи, неподалеку от поселка Кыз-Кеткен, начато сооружение пионерского лагеря для детей строителей Главного Туркменского канала.

Высоко в Карпатах у начала бурливой Теребли лежит село Драгово. Сейчас в окруженном тенистым садом лучшем здании села идут приготовления к открытию пионерского лагеря. Пионерские лагери откроются в лесистых Карпатах, в долинах Тиссы, Ужа и Латорицы. Их будет свыше сорока.

Увлекательные путешествия совершат юные туристы нашей Родины.

Репортаж с великих строек

Донская вода в 40 километрах от Волги

От Мариновского строительного района до Калача автострада проходит вдоль Карповского водохранилища. Мы помним, как выглядело дно этого водохранилища — пыльная и жаркая степь, лишенная какой-либо растительности. Скреперисты прорезали в степи судовой ход для будущих кораблей, и по этому каналу пришла, поднятая гигантскими пропеллерами Карповской насосной станции, донская вода.

Теперь с асфальтированной дороги видно, как транспортный катер тащит по каналу на буксире большой, величиной в двухэтажный дом, земснаряд.

Часть степи между Волгой и Доном уже судоходна. За первым шлюзованием последовало второе, третье. Земснаряд № 109 вместе с другими проплыл Карповское водохранилище и пришел на помощь строителям 12-го шлюза. На нижнем подходе под водой им уже вынуты тысячи кубометров земли. К 12-му шлюзу сейчас приковано внимание всего коллектива. Как только здесь будут закончены работы (а это должно произойти в самые ближайшие дни), судоходство будет открыто еще на одном участке.

Далеко от 12-го шлюза, за плотиной Варваровской насосной станции, в бывшей степи (иначе ее строители не называют) находится одно из красивейших мест Волго-Дона. Двухкилометровая искусственная насыпь упирается здесь в высокое белоснежное здание насосной станции. А кругом, куда ни кинешь взор, вода. Май, знойный солнечный день, но жара не чувствуется. Кажется, что стоишь на молу приморского города. Слабый, чуть приметный ветерок приносит удивительной свежести прохладу. Зеленоватые крохотные волны бесшумно касаются каменного тела плотины. Работают все три насоса. За сутки они перекачивают в Варваровское водохранилище свыше 3,5 млн. кубометров донской воды. Вода дошла до самых башенных отверстий и уже не падает вниз, а лишь расходится по зеленоватой глади белыми широкими кругами.

Возвращаясь с насосной, мы встретили пожилого загорелого мужчину с удочкой и банкой для червей. На вытянутой руке он держал несколько рыбешек.

— Жаль, времени нехватило... Хорошо клюет, — сказал он.

Донская вода прошла две трети своего пути. До Волги остается около 40 километров. Теперь воду не надо гнать вверх. Из Варваровского водохранилища до самой Волги она пойдет самотеком.

Строители временно остановили донскую воду на гребне водораздела, путь ее перегородила земляная дамба. По одну сторону ее плещется вода, по другую, далеко по горизонту, двигаются стрелы экскаваторов.

Здесь сейчас ведется сражение за своевременный пуск Волго-Дона. В нем участвуют тысячи людей и сотни машин — экскаваторы, скреперы, бульдозеры, самосвалы, подъемные краны. Темпы работ растут, — и как растут! В начале апреля вынимали за сутки 12—15 тысяч кубометров земли, в конце апреля — до 30 тысяч, а сейчас — 40—45 тыс. кубометров. В первых числах мая ежесуточно мостили 700—800 кв. метров откосов и расценивали это как большой успех. 12 мая строители замостили свыше 6 тысяч кв. метров откосов.

В этом трудовом соревновании участвуют передовые механизаторы канала. Имя Ивана Ермоленко получило всесоюзную известность, как одного из лучших экскаваторщиков Донского строительного района. В марте вместе со своим коллективом он вынул из русла канала миллионный кубометр земли!

Потом было предложено направить экипаж вместе с машиной в Водораздельный район. Некоторые специалисты стали утверждать, и не без основания, что на сборку экскаватора потребуется около двух месяцев, — помощь придет слишком поздно. Ермоленко дал обязательство произвести монтаж за 20—25 дней. А смонтировал за десять дней!

Славно трудятся и строители так называемой Чапурниковской лестницы. Им на помощь пришли опытные механизаторы, прорабы, инженеры с других участков канала. Днем и ночью — при свете прожекторов — идет засыпка земли в пришлюзовые дамбы, укладывается бетон, устанавливается последнее оборудование, ведутся отделочно-штукатурные работы.

У входа в канал со стороны Волги высится скульптурная фигура товарища И. В. Сталина. Строители любовно водрузили ее на постамент. Она видна далеко, далеко, за Волгой.

А Волга разлилась. Скрылись под водой островки и песчаные мели. Совсем небольшими кажутся на ее просторах белые трехпалубные волжские красавцы, проплывающие мимо.

Скоро они свернут в канал и, салютуя любимому вождю советского народа, поплывут по великой магистрали.

А. ШЕЙНИН,
корр. «Литературной газеты»

СТАЛИНГРАД. **(По телефону)**

◆ ◆

Машина перевозит дома

ЛЕНИНГРАД. **(Наш корр.).** Создание искусственных морей и водохранилищ в районах великих строек потребовало перевода многих пунктов из мест затопления в новые места.

Как ускорить и облегчить перевозку деревянных зданий? Практическим решением этой задачи занялся коллектив Ленинградского филиала института «Гипрогражданстрой». Здесь создали оригинальную конструкцию домовоза. Новая машина одобрена Министерством жилищно-гражданского строительства РСФСР и принята к производству.

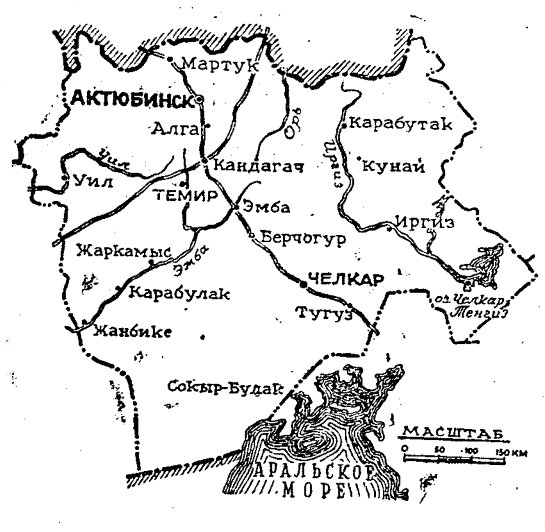
При помощи домовоза можно перевозить дома весом до 50 тонн с обычной скоростью трактора (5—6 километров в час). Здание приподнимается на домкратах в течение 10—12 минут. Около двух часов занимают подготовительные работы. Таким образом, для перевозки здания на расстояние 15 километров потребуется 5—6 часов. Машину обслуживают четыре-пять человек.

Предложенный способ, кроме того, имеет еще одно преимущество. Нижние венцы дома при перевозке могут заменяться новыми. Это удлиняет жизнь здания.

Домовоз найдет широкое применение не только на великих стройках коммунизма, но и в укрупненных колхозах.

ИЗ ХРОНИКИ
КУЛЬТУРНОЙ
ЖИЗНИ

В ОДНОЙ ОБЛАСТИ



В тридцатых годах через Актюбинскую область проехал Юлиус Фучик. Один из эпизодов этой поездки описан в его очерке «Флакон одеколона». Молодой геолог, которого писатель встретил в поезде, сказал тогда Фучику: «Если вы к нам приедете через десять лет, то не узнаете этой нетронутой степи, над которой сейчас царит только солнце. Здесь будет город человека».

Город человека! В центре Актюбинска среди цветущих деревьев стоит памятник колхознику-просоводу Чаганаку Берсиеву. Актюбинские новаторы чтут память своего знаменитого земляка и продолжают его дело — в марте 1952 года работникам Приаральской опытной станции А. Миловзорову и П. Малюгину за разработку методов растениеводческого освоения полупустынь Западного Казахстана присуждена Сталинская премия. Выведенный ими сорт проса «берсиевское-18», кормовые травы — «житняк актюбинский» и «люцерна приаральская», картофель «новинка пустыни» известны всему Казахстану. Недавно в Актюбинск на совещание съехались передовики сельского хозяйства области. А. Миловзоров выступил перед ними с лекцией: «Пути получения высоких урожаев проса».

Передовые животноводы и мастера урожаев читают лекции и сами. Среди действительных членов Общества по распространению политических и научных знаний Казахской ССР — председатели колхозов и рядовые колхозники Актюбинской области. Табунщик Герой Социалистического Труда Б. Бримова преподает на зоотехнических курсах.

Актюбинск неразрывными нитями связан с самыми отдаленными уголками области.

Актюбинские артисты уезжают в районы для обслуживания колхозников во время весеннего сева. На фермы и полевые станы Челкарского, Ключевого и Мартукского районов выехали бригады артиста Ван Цин-цзи, заслуженных артистов КазССР Р. Альжановой и Ж. Сеилова.

Около 3000 учителей работает в школах области. Многие из них закончили Актюбинское педагогическое училище. Недавно сюда пришло письмо из далекого Байганинского района — молодой педагог А. Уразалин благодарит своих учителей за прочные знания, полученные в училище. В 800 км от Актюбинска, в 500 км от районного центра Жаркамыс, в урочище Сам учит детей другой воспитанник училища — М. Нурбергенов.

Недавно учителя собрались в Актюбинск на первые педагогические чтения. Об использовании опыта Макаренко рассказал на чтениях заведующий учебной частью Тамдинского детского дома С. Беер. Учительница Мартукской школы П. Гришаева выступила с докладом «Развитие мышления учащихся 5—7 классов на уроках русского языка»...

В середине апреля в Актюбинске гостил Р. Хобдабергенов — сын председателя колхоза из Хобдинского района, дипломник Института цветных металлов и золота, возвращавшийся в Москву с практики. Ежегодно сотни выпускников школ — дети чабанов Иргиза, просоводов Уила уезжают сдавать экзамены в институты Москвы, Ленинграда, Киева...

На актюбинском аэродроме днем и ночью стоят наготове самолеты санавиастанции. За сотни километров в самые отдаленные колхозы и аулы вылетают врачи. Только доктор О. Локоть сделала за последний год 42 вылета.

В Актюбинской области — 245 медицинских учреждений, которые обслуживают более тысячи врачей и сестер. Недавно открыта грязелечебница в Алге, успешно работают противомалярийная станция, костно-туберкулезный санаторий. В конце апреля состоялось заседание научного общества врачей области, посвященное учению Павлова.

Вот далеко не полный перечень фактов культурной жизни Актюбинска за один обычный день.

В Доме культуры выступают учащиеся педагогического училища: казахско-русский хор поет песню о Герое Советского Союза Маншук Мамедовой и «Знаменосцы мира» Брусиловского. Следующая работа хора — песня швейцарцев из «Вильгельма Телля» Россини. В детской музыкальной школе идет очередной концерт учащихся — Альберт Кадарметов играет марш Гедике, Коля Жулекенов — концерт для скрипки.

В читальном зале областной библиотеки состоялась лекция о Маяковском; в лекционном зале Дома культуры — о борьбе с пережитками капитализма в сознании людей.

Много людей в книжном магазине. Подписчики получают тома Сочинений В. И. Ленина и И. В. Сталина на русском и казахском языках. Продавец выдает сочинения А. Толстого, В. Вильямса. Вышел первый и выходит второй том сочинений актюбинского акына, друга Джамбула, Нурпеиса Байганина...

В 9 часов утра начинаются занятия в казахском женском учительском институте имени Байганина. Внимательно слушает лекцию по сравнительной грамматике казахского языка отличница Злыха Бимагамбетова, приехавшая в институт из города Форт Шевченко. В 1952 году Злыха, как и остальные 147 выпускниц института, впервые придет в школу педагогом.

⁂

В одном из номеров «Актюбинского городского вестника» за 1914 год, в разделе «Хроника», сообщалось: «С 10 декабря в Актюбинске установлены два почтовых ящика. В скором времени разрешится вопрос об установлении третьего ящика...».

За 1951 год через почтовые отделения области прошло 18,24 миллиона писем, газет и журналов. Центральные газеты здесь читают на следующий день. 20 тысяч экземпляров журналов доставляет почта подписчикам городов и сел области.

Когда-то в этих местах побывал ссыльный Тарас Шевченко. Мертвые, сожженные солнцем пески, одинокие юрты казахов-кочевников, дикое безмолвие — «незапертая тюрьма». «Поют ли здесь песни? — с тоской думал поэт, — при такой декорации возможно только мертвое молчание, прерываемое тяжелыми вздохами...»

В Карабутакском районе, через который проезжал Шевченко, — теперь четыре хоровых коллектива. Казахский народный хор Карабутакского Дома культуры считается лучшим не только в районе, но и во всей республике.

Сегодня над просторами Карабутака разносится мелодия казахской песни. Это — «Отан», песня о Родине.

Э. МАКСИМОВА,
спец. корр. «Литературной газеты»

АКТЮБИНСК

Перед первой встречей футболисты сборных команд Москвы и Польской республики тепло приветствуют друг друга. Гостям подносят цветы...

Случай с Гришиным

◇

Эм. КАЗАКЕВИЧ

◇

Летом прошлого года ко мне позвонили, и когда я открыл дверь, вошли двое. Один из них был слепой, другой, по-видимому, сопровождал его. Слепой сделал шаг вперед и, произнеся мою фамилию, спросил:

— Это ты?

Я ответил утвердительно и спросил в свою очередь, что товарищам от меня нужно.

Тогда человек улыбнулся, и по улыбке я сразу узнал его. Это был Гришин, Николай Дмитриевич, с которым в годы Отечественной войны мы служили в одной дивизии.

Взяв за руку Гришина, я провел его в комнату и, усадив, сел напротив него. Вспомнилось до мельчайших подробностей все, что мы испытали вместе с этим человеком. Вспомнился он — бодрый, веселый, зоркий, чуть насмешливый, подвижный. Саперы очень любили капитана Гришина, уважали его за разносторонние знания и ровное, ласковое отношение к людям. Мы, разведчики, знали, что стоит нам обратиться к Гришину за помощью — и он все сделает, что нужно. Он был мастером инженерной разведки, прекрасным боевым товарищем.

Сколько минных полей противника разминировал этот человек со своими солдатами, сколько заминированных фашистами зданий обезопасил он, сколько человеческих жизней спасли эти нервные руки, из которых одна, правая, теперь была изувечена! От Старой Руссы почти до Варшавы люди с благодарностью читали сотни деревянных табличек, на которых было написано углем или мелом: «Разминировано. Гришин». Или — предупреждающе: «Мины. Гришин».

В 1944 году, за несколько месяцев до конца войны, одна из предательски замаскированных врагом мин взорвалась, и Николай Гришин лишился обоих глаз и правой руки.

Семь лет спустя услышал я повесть о советском человеке, о настоящем человеке, лишившемся зрения, но не лишившемся силы духа. Повесть эта не может оставить равнодушным никого.

Гришин был до войны инженером-строителем. Теперь он не мог мечтать о возвращении к своей профессии. И он решил переучиться, переменить специальность, стать историком, преподавателем. Он поступил в аспирантуру Московского университета. Темой своей будущей диссертации он избрал подготовку большевистской партией материально-технических и организационных условий для подъема производительности труда в колхозах в период второй пятилетки. Гришину пришлось изучить множество материалов: труды классиков марксизма-ленинизма, решения съездов, конференций и пленумов ЦК нашей партии, материалы Госплана, статистические сборники, различные документы, посвященные колхозному строительству, периодическую печать.

Зрение ему должны были заменить осязание и слух. Но правая рука его была изувечена, и он поэтому не мог освоить полностью технику быстрого чтения и письма точками (для слепых). Он освоил эту технику одной рукой. При взрыве мины у него были повреждены барабанные перепонки. Приходилось сильно напрягать слух.

Многое из статей, речей, цифр пришлось заучивать наизусть.

С великой душевной силой и несравненным упорством преодолевал он исключительные трудности, стоявшие перед ним на пути к цели. Ему помогали в работе коммунисты кафедры марксизма-ленинизма Московского университета — доценты Карин, Галкин и Марехина. Многие работники, начиная с министра высшего образования и кончая техническими сотрудниками ректората и кафедры: Рунковой, Ананьиной, Кассицкой, Злобиной, профработником Фроловой, отнеслись к судьбе Гришина с величайшим сочувствием.

В июне 1951 года Гришин успешно защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата исторических наук.

Во время защиты произошел такой случай: в аудитории было очень жарко, и рукопись, нанесенная на бумагу точками, стала неудобочитаемой. Гришин ужаснулся: ему показалось, что он не сумеет прочитать свою работу. Напрасно трогал он потными пальцами текст. Пальцы ничего не разбирали. И тогда Гришин прочитал все — к своему собственному изумлению — наизусть без запинки.

Он получил новую специальность.

Министерство высшего образования направило Гришина в город Куйбышев, в гидротехнический институт имени Микояна, преподавателем основ марксизма-ленинизма. Этот город особенно привлекал Гришина — он жил здесь раньше, окончил этот самый институт; зная город, он мог в нем ориентироваться, что немаловажно для слепого человека; кроме того, он справедливо считал, что ему, как инженеру, целесообразно работать в институте, готовящем инженеров, ибо преподавателю основ марксизма-ленинизма полезно в интересах лучшей постановки работы сколько-нибудь знать то дело, которому обучаются студенты.

Все это сообщил мне Николай Дмитриевич Гришин в тот летний день 1951 года. Рассказывая свою историю, Гришин светился прозрачной и чистой радостью: трудное дело было завершено.

Вскоре Гришин уехал, и мы больше не виделись, а недавно я получил от этого человека письмо, полное тревоги. Писал он мне не из Куйбышева — оттуда Гришин уехал к родным в Нижний Тагил.

Что же случилось?

Когда Гришин приехал в Куйбышев, руководство института, куда он был направлен, зачислило его на должность ассистента. Не имея возможности предоставить новому ассистенту жилье, директор обратился к тов. Сурину — бывшему председателю горсовета — с просьбой помочь в этом Гришину. Сурин отказал. Тогда Гришин решил поговорить с председателем лично. Сурин его не принял. Тогда Гришин обратился в обком партии, но и там не смог попасть на прием. Тогда Гришин написал секретарю обкома тов. Пузанову письменное заявление, и на этом заявлении вскоре появилась резолюция: «Горсовету на рассмотрение». Но горсовет снова отказал. Наконец, тов. Пузанов направил тов. Сурину новую жалобу Гришина, поручив ему лично рассмотреть заявление и обеспечить Гришина жильем. Но и это указание осталось невыполненным.

Гришин уехал из Куйбышева, так и не приступив к работе.

Чем объяснить этот случай? Злой волей? Нежеланием помочь человеку, достойному всяческой помощи? Не думаю. Я уверен, что, если бы куйбышевские товарищи поняли, для кого перед ними ходатайствуют о жилье, было бы меньше бумажек и Гришину нашлась бы приемлемая жилплощадь.

Ни товарищ Сурин, ни заместитель Сурина тов. Башенко не поговорили с Гришиным лично, не пожелали его принять, никто из них его в глаза не видал. Видели только бумажки, и на эти бумажки исправно накладывали резолюции. Потом Гришина все же принял секретарь обкома тов. Ефремов, но он только посоветовал Гришину поехать в Кинель, где с квартирами обстоит легче...

По совести говоря, я не удивлюсь, если окажется, что куйбышевские товарищи, прочитав мою статью, просто не вспомнят, о ком идет речь. Выудив из заявления самое, как им казалось, основное: «институт», «преподаватель», «квартира» и, вероятно, подчеркнув это «основное» красным карандашом, они механически накладывали резолюции. Они не видели человека. Бумажки, бумажки, бумажки закрыли от них и героизм, и подвиг, и солнечный свет.

Я ищу спокойных выражений, я не хочу порочить людей, которые, несомненно, много и успешно работают и заслуживают уважения. Но, признаться, не могу я понять, как эти люди, конечно же, читавшие книгу Николая Островского и «Повесть о настоящем человеке» и, вероятно, глубоко взволнованные чтением, встретившись в жизни с человеком похожей судьбы, проглядели этого человека, прошли мимо, не пожелали даже обменяться с ним словом.

До сих пор Николай Дмитриевич живет в Нижнем Тагиле и не работает. Нельзя сказать, чтобы он вовсе пал духом. Гришин готовит будущие лекции по курсу основ марксизма-ленинизма, начал писать брошюру на базе своей диссертации.

И все-таки Гришин очень удручен и обижен невниманием, проявленным к нему куйбышевскими товарищами. И он вполне прав.

Заметки о СПОРТЕ

ПО ПОВОДУ ДВУХ ВСТРЕЧ

Два дня, 11 и 14 мая, московский стадион «Динамо» был переполнен до отказа. Происходили товарищеские встречи между футболистами сборных команд Москвы и Польской республики.

Во время первой встречи я был на поле в качестве судьи. Вторую — наблюдал с трибуны. Состязания закончились, как известно, так: 11 мая выиграли со счетом 1 : 0 польские спортсмены, вчера, 14 мая, — москвичи со счетом 2 : 1.

Вот об этих состязаниях мне, как футбольному судье и зрителю, хочется сказать несколько слов.

Раньше всего о гостях. Они показали хорошую технику владения мячом, быструю игру. Польские футболисты играют лучше, чем в прошлые годы. Это было по достоинству оценено московскими любителями спорта.

К сожалению, мы не можем отозваться положительно об игре сборной команды столицы. Сборная Москвы могла добиться значительно лучших итогов.

Мы обычно привыкли видеть наших футболистов полными энергии, неутомимыми в своем наступательном порыве, умеющими до конца бороться за мяч. Этого десятки тысяч москвичей не наблюдали ни 11, ни 14 мая.

На поле не было дружного коллектива, не было тесного взаимодействия полузащиты и нападения. Особенно слабо выступало нападение, хотя в его состав были включены наши лучшие футболисты. С удивлением наблюдали мы, как утратили они такие необходимые для футболиста качества, как скорость и завершающий удар по воротам.

Предстоят ответственные встречи.

Советская общественность вправе напомнить об этом не только футболистам сборной Москвы, но и ее тренерам. Никакие оправдания и ссылки на объективные причины в данном случае не являются убедительными, — команда состоит из достаточно опытных, испытанных в международных встречах спортсменов.

Мы уверены, что в самых ближайших состязаниях зритель увидит на поле спаянный, хорошо сыгранный коллектив лучших столичных футболистов, который будет играть в том свойственном ему стиле, в каком играли и играют советские команды, в том стиле, который принес немало славы нашему спорту.

Н. ЛАТЫШЕВ,
судья международной категории

◇ ◇

О БОЛЬШОМ И МАЛОМ

Наша страна располагает большим количеством спортивных сооружений. Каждый год вступают в строй новые стадионы, зимние залы, водные станции, трамплины для прыжков на лыжах. Не так давно открылся один из лучших в Европе стадионов — имени Кирова в Ленинграде, трибуны которого вмещают 90 тысяч человек. В прошлом году был поднят флаг над стадионом имени Сталина в Баку. В нынешнем году готовится к открытию республиканский стадион в Кишиневе. В Москве строится 50-метровый зимний бассейн для плавания... Однако как бы ни был широк размах строительства крупных спортивных сооружений, оно не поспевает за ростом физкультурных организаций.

Само собой разумеется, что в больших городах должны быть созданы первоклассные монументальные спортивные сооружения. Но наряду со стадионами-гигантами имеют право на существование и весьма скромные по своим масштабам стадионы, залы, бассейны и просто добротные спортивные площадки, футбольные поля, теннисные корты.

Более двадцати лет назад в Москве на нынешнем стадионе Метростроя был построен зал из деревянных конструкций размером 24 × 15 метров и высотой в 11 метров. В этом зале с утра до позднего вечера занимаются гимнасты, баскетболисты, акробаты, теннисисты, волейболисты.

В Алма-Ате работает простейший бассейн для плавания. На его строительство были затрачены минимальные средства.

Настало время всерьез взяться за разработку проектов таких залов из деревянных конструкций, простейших водных бассейнов, тренировочных площадок и полей. Нужно подумать о постройке по типовым проектам спортивных сооружений простейших конструкций в районных центрах, рабочих поселках, небольших городах.

Важно, чтобы за разрешение этих вопросов по-деловому взялись министерства, ВЦСПС, комитеты по делам физкультуры. И тогда многие тысячи физкультурников получили бы возможность заниматься спортом в любое время года.

Н. АРБУЗНИКОВ,
инженер-архитектор, заслуженный мастер спорта

В. БУРОВ,
директор московского стадиона «Динамо»

◇ ◇

СИЛА ВОЛИ

В боях на Пулковских высотах он был тяжело контужен и очнулся уже в госпитале, в холодной палате. Ленинград переживал тяжелые дни, стояла суровая блокадная зима.

Боец поправлялся медленно. Наступил, наконец, день, когда его выписали из госпиталя и направили в группу выздоравливающих. Хотелось поскорей попасть на передовую линию фронта, которая подступала тогда к окраине города, но как быть, если от слабости кружится голова и подкашиваются ноги?

Как-то он зашел в спортивный зал, где еще недавно бурлила жизнь, где сам он тренировался на гимнастических снарядах. В зале стояла гнетущая тишина. Окна выбиты, кругом осколки стекла, рояль покрыт пылью. На полу лежал единственный из уцелевших спортивных снарядов — штанга.

— А если попробовать? — мелькнула в голове несмелая мысль.

Вначале трудно, очень трудно было отрывать от пола штангу. Но страстное желание поскорее восстановить здоровье брало верх. Ему показалось даже странным, что раньше он не занимался тяжелой атлетикой, предпочитая гимнастику, коньки, бег, прыжки. Теперь с каждым днем крепли мышцы, наливались силой ноги, руки.

Наградой за упорную тренировку было первое место в соревнованиях тяжелоатлетов Ленинградского фронта.

Летом 1945 года спортсмена снова постигло несчастье: ночью его сшиб автомобиль. С переломом ноги и тяжелыми ушибами его доставили в больницу.

Снова, как и тогда в госпитале, потянулись скучные дни в больнице. Хирург, делавший операцию, знал, что новый больной — студент Института физкультуры имени Лесгафта.

— О спорте забудьте, — решительно заявил хирург. — И институт придется подыскать другой.

Больной не сдавался. Он знал, например, что выдающийся пловец Л. Мешков, получив тяжелое ранение в плечо, упорной тренировкой вернул себе спортивную форму. Да мало ли примеров! Советские люди не сдаются, не падают духом!

Домой из больницы спортсмен пришел на костылях. Но и сидя на стуле, он поднимал гантели — вверх и вниз, вверх и вниз... Когда был снят гипс и заброшены костыли, он начал тренировку по всем правилам...

...Недавно в Ленинграде в соревнованиях на первенство общества «Строитель» Юрий Дуганов в рывке двумя руками на 600 граммов улучшил свой же мировой рекорд. А в толчке двумя руками он установил новый всесоюзный рекорд — 158,5 килограмма.

Юрий Дуганов и есть тот самый спортсмен, о котором мы рассказали выше.

Е. ИСАЕВ

Строители Цимлянского гидроузла после трудового дня возвращаются в рабочий поселок.

У донских берегов

В „пассажирке“

Это был обыкновенный трехтонный грузовой автомобиль, и только скамейки, установленные вдоль бортов кузова, отличали эту машину от тысячи ее сестер, развозящих бетон, трубы, песок по многочисленным дорогам Цимлянского гидроузла. Автомобиль со скамейками в определенные часы развозил строителей от управления по участкам и поэтому, в отличие от грузовых машин, назывался «пассажиркой».

Но, хотя задача этого автомобиля была не менее важной, чем остальных машин, и хотя так же, как и на остальных, на дверце его было написано: «стотысячник», — всегда, когда мимо него мчались, грохоча штампованными металлическими кузовами, московские, ярославские, минские красавцы, неся, словно ордена, на своих капотах по четырнадцать звезд, свидетельствующих о том, что пробег без капитального ремонта приближается у них уже к полутораста тысячам километров, а в это время «пассажирка» ожидала людей на остановке, — мне казалось, что ей грустно и что она немного стыдится своего легкомысленного названия.

Однажды мне надо было добраться до Цимлянской, и я отправился к управлению гидромеханизации, где машина обычно дожидалась пассажиров.

Начинался субботний вечер. В машине сидело несколько человек, но шофера еще не было. Вслед за мной забрались две девушки, уселись в уголок и сразу стали шептаться о каких-то своих сложных делах. Рядом сел румяный парень в шерстяной водолазной шапочке. Несколько позже подошел пожилой бухгалтер и поздоровался с водолазом. Потом появился человек в плаще и поздоровался с девушками. Казалось, машина наполняется не работниками разных участков и разных профессий, а членами большой и дружной семьи.

— Где теперь работаете? — спросил человек в плаще одну из девушек.

— В конторе района. Теперь перед окончанием работаю ужас как много. Приехала наряды подписать, а АХО срочно заболело... С. снова ругаться будет. Сегодня он с утра распыхтелся. Я заплакала, пошла к начальнику жаловаться, а начальник говорит: «Давай, говорит, местами меняться. Ты, говорит, мои дела делай, а меня пускай С. ругает...»

— Надо же, — сказала подруга девушки.

— Ну что с ним сделаешь! Засмеялась и ушла. Все равно скоро здесь конец, будет другая работа, другие начальники...

— Как с земснарядом связываетесь? — спросил ее бухгалтер. — По телефону?

— Нет, телефон сняли. Связываемся рацией. Вчера утром морозило, хорошо было слышно.

— Этот земснаряд, говорят, на Тахиа-Таш пойдет, — сказал водолаз.

— На Тахиа-Таш другой ушел. А этот, наверное, на Куйбышев.

Вошли еще двое: молодая кареглазая казачка в небрежно накинутой на голову шали и ее муж в пиджаке, надетом поверх комбинезона.

— Здравствуйте, Маша, — сказал человек в плаще. — Как дочка, ходить начала?

— Уже две пары ботинок стоптала, — улыбнулась казачка.

— Зачем сюда приезжала?

— Да вот за ним, — она кивнула на мужа. — Как получка, так ему обязательно надо выпить. Едва его разыскала. Ему и сейчас еще стопку надо...

— Чехов сказал: чем больше пьешь, тем больше жаждешь, — заметил супруг. Посидев несколько минут со скучающим видом, он поднялся и сказал:

— Ты обожди, Маша, а я на участок позвоню...

— Сиди, сиди. Знаю я, куда ты звонить собрался.

— Смотри ты, какой звонарь, — проговорил человек в плаще. — Езжай домой, поспи, а утром позвонишь. Утром позвонить очень даже хорошо. На-ка вот, закури лучше.

Супруг послушно взял сигаретку.

— Хоть бы скорей поехали, — вздохнула казачка.

— А все-таки нехорошо на людей дымить, — сказал супруг. — Ты, Маша, обожди, а я выйду на панель, покурю.

— Знаю я, на какую тебе панель. Сиди — не пущу.

— Надо же, — с осуждением проговорила девушка.

— И ведь вот что интересно, — обратился человек в плаще к бухгалтеру, — мастер — золотые руки, на работу злой, две недели водки в рот не берет, а зарплату обязательно ему надо отметить. И так отмечает, что жена его иногда до ночи ищет. Раз в месяц платить ему, что-ли?..

Пассажиры засмеялись. Засмеялся и мастер, но спохватился и проговорил:

— Это у меня гоголевский смех. Смех сквозь слезы.

Наконец, дверца кабинки хлопнула, и машина тронулась.

— И не совестно тебе, — обратилась к мужу уверенная во всеобщем сочувствии казачка. — Гляди, чего люди говорят...

И вдруг разговор обернулся неожиданным для меня образом.

Мужчина в плаще взглянул на женщину и убежденно проговорил:

— А тебе бы не меньше его стыдиться надо.

— Почему это? — насторожилась казачка, удивленная, видимо, не меньше меня.

— Потому что ты возле него не соседка. Ты ему жена. Ты его и воспитывать должна.

— Разве его воспитаешь? Ему уже тридцать два года.

— Человек воспитывается до старости, — проговорил бухгалтер. — Моя приехала да так за меня взялась, что я теперь забыл, как она и пахнет-то, водка.

— Ничего мне с ним не сделать, — возразила казачка. — Пускай за него организация берется.

— У тебя есть своя организация — семья, — сказал человек в плаще.

— Семья — самое главное, — добавил бухгалтер.

— Да я к нему со всех концов подходила. Ничего не получается.

— Значит, неправильно подходила, — настаивал человек в плаще. — Он у тебя не алкоголик, врача ему не надо. Ты поставь задачу воспитать его — захоти добиться и добьешься.

— Какая у него природа есть, такая и останется, — вздохнула казачка. — Ее не переделаешь.

— Вон оно что! А ты погляди вокруг.

— Чего мне глядеть? И так каждый день гляжу.

— А ты еще погляди.

В это время машина шла по тому месту, где еще в прошлом году перекрывали Дон, и прежнее ложе его теперь с трудом могли определить даже старожилы.

Правее на несколько километров тянулась исполинская земляная плотина, поворачивая в сторону новорожденного моря и словно принимая его в свои могучие объятья.

— Кто это, по-твоему, сделал? — спросил человек в плаще.

Казачка молчала.

— То-то и есть. А ты говоришь — природа...

Мастер, который во время этого разговора как-то погрустнел и стушевался, вдруг вздохнул и обиженно проговорил:

— Да разве она меня пробовала воспитывать?.. Да если бы она пробовала... — и махнул рукой.

Солнце садилось. «Пассажирка» ехала к Кумшаку, и огромная земляная плотина все время тянулась справа от нее.

По плотине ходили люди, которые на фоне яркого голубого неба казались маленькими черными точками.

Людей, казалось, было удивительно мало для такого строительства. И только после того, как присмотришься к работе мощных экскаваторов, кранов, бульдозеров, землесосов, становится понятным, что люди на великой стройке в огромном большинстве своем сумели заставить работать машины, и каждый из этих людей с помощью машин выполняет работу, на которую раньше требовались сотни так называемых «чернорабочих».

Волею этих властителей машин воды Дона пропускались теперь только через тесные камеры одной из турбин, и, выйдя в нижний бьеф, разгневанная вода ревела, клокотала и пенилась возле здания ГЭС, сбитая, как яичный белок, но, пройдя сотню метров, успокаивалась и снова разливалась доброй и тихой донской струей.

Скоро строители подарят Родине первую стройку коммунизма.

Но не только великой стройкой — многими тысячами новых творцов, обогащенных непреклонной верой в безграничность своих духовных сил, украсилась за эти годы наша Родина. Воспеваемые прежде поэтами смелость, творческое дерзание, вера в неизбежность победы, как свойства одиноких героев, расцвели в душах простых и скромных людей, своими руками соорудивших море, своими руками передвинувших Дон, и это не мешает им оставаться такими же простыми и скромными.

Но дайте им задание для счастья детей своих преобразить всю землю, из конца в конец, от ледяных берегов Арктики до палящих пустынь юга, и они, одухотворенные чудесной страстью творцов-созидателей, станут передвигать моря, опрокидывать горы, сокращать плановые сроки... Может быть, поэтому и изменение «природы» беспокойного мастера не представляется этим людям очень уж сложной задачей.

Сергей АНТОНОВ

Горький и русская литература

З. ПАПЕРНЫЙ

1. «...Я люблю русскую литературу, люблю страну и верю в ее духовные силы. Это большая любовь», — писал Горький.

Творческой, деятельной, созидательной была эта большая любовь писателя к литературе, к родной стране. Великий художник слова, неразрывно связавший свою судьбу с рабочим движением, революцией, с Лениным и Сталиным, был неутомимым собирателем и руководителем передовых сил литературы.

Своей борьбой за сплочение всех прогрессивных художников слова Горький возродил и развил в новых условиях замечательные традиции Некрасова и Чернышевского, которые выступали не только как писатели, но и как идейные вдохновители, организаторы литературы.

Деятельность Горького в период с 90-х годов до Октября, его связь с литературным движением тех лет — такова тема книги А. Волкова.

Близость писателя к ленинской «Искре», участие в журнале «Жизнь», на страницах которого происходят «встречи» Горького с Лениным, руководящая роль Горького в издательстве «Знание», объединявшем наиболее демократических писателей 900-х годов, сотрудничество в большевистской газете «Звезда», где был опубликован ряд «Сказок об Италии», тесная связь с «Правдой», с поэтами-правдистами, выпуск «Сборника пролетарских писателей», организация издательства «Парус» и ежемесячного журнала «Летопись», борьба с литературной реакцией — обо всех этих фактах и отдельных сторонах деятельности Горького автор рассказывает, опираясь на большой, нередко впервые привлекаемый материал.

Читаешь эту книгу, и постепенно возникает обогащенный новыми штрихами и деталями образ Горького — верного, отечески внимательного, хозяйски заботливого друга самых прославленных мастеров и еще безвестных, начинающих литераторов из рабочей среды; возникает образ великого художника-деятеля, который накануне Октября ведет борьбу за новую, будущую литературу.

Значительная часть книги А. Волкова посвящена влиянию пролетарского писателя на демократических литераторов конца XIX — начала XX века: Куприна, Вересаева, Скитальца, Чирикова, Гарина и других. Каждый из них мог бы сказать Горькому то, что написал ему Куприн, окончив повесть «Поединок»: «...**все смелое и буйное в моей повести принадлежит Вам.** Если бы Вы знали, как многому я научился от Вас и как я признателен Вам за это».

Автор стремится показать и сложность литературных отношений Горького с отдельными писателями. Отмечая его влияние на раннего Л. Андреева, автор не сглаживает и серьезных идейных, творческих разногласий между ними. «Не было почти ни одного факта, ни одного вопроса, на которые мы с Л. Н. смотрели бы одинаково», — писал Горький. Мы находим в книге новые, не публиковавшиеся ранее письма, в которых Л. Андреев, забыв о своих прежних демократических симпатиях, с циничной откровенностью признается в том, что приличный гонорар для него дороже всяких убеждений: «Сколько лет на дне души копилась ненависть к жизни и ее творцам, а когда меня приласкали, дали немножко денег и успеха, ненависть растаяла и сделался я домашним писателем, как бывают домашние животные».

Какая выразительная иллюстрация к ленинским словам, разоблачающим фальшивую «свободу» наемных буржуазных литераторов: «Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель?»

Книга А. Волкова содержит большой материал, рисующий борьбу Горького против такого «чистого», «свободного» искусства, против растленного декаданса, кликушеской проповеди ухода от жизни, против идейного ренегатства и дезертирства, особенно усилившихся в годы реакции, после поражения революции 1905 года.

Большое внимание уделяет автор работе писателя по вовлечению в литературу новых творческих сил. Он подробно рассказывает о том, как Горький, тесно связанный с большевистской «Правдой», воспитывает молодых литераторов из среды трудящихся.

Итак, главное достоинство книги А. Волкова в том, что она убедительно показывает активную, творчески-организаторскую деятельность Горького, великого пролетарского писателя, возглавившего передовую демократическую литературу предреволюционных лет.

2. Лев Толстой, Чехов, Короленко были современниками Горького. Без них нельзя представить себе литературное движение конца XIX и начала XX века. Нельзя ответить на вопрос, как и почему стал Горький учителем, главой литературы, не думая и о том, у кого и чему он сам учился как художник.

А. Волков сопоставляет произведения Горького и Короленко. Но это делается им чаще всего для того, чтобы отметить расхождения между писателями. Короленко в изображении А. Волкова выглядит, как писатель, который прежде всего того-то «не понял», «не сумел», «не увидел» и т. д.

Известно, что либеральная критика дореволюционных лет старалась противопоставить Горького русской литературе. В ту пору много писалось о том, что Горький «чужд», «враждебен» традициям. Авторы критических статей противопоставляли друг другу имена Горького и Чехова, Горького и Короленко как непримиримые антитезы, контрастные пары и т. д. К сожалению, А. Волков не только не опровергает эти схемы, но в некоторых случаях поддерживает их.

«В критике тех лет, — пишет он, — указывалось на различие Горького и Короленко. «Настроение г. Короленко, — писалось на страницах «Русской мысли», — философски спокойное, мягкое, грустное и чисто-гуманистическое в лучшем смысле этого термина. Настроение г. Горького, наоборот, чисто-мужественное, деятельное, часто даже юношески-мужественное, всегда неспокойное, всегда преисполненное волнения, страсти, часто ненависти, — одним словом, это бурное настроение» («Русская мысль», 1898 г., № 1, стр. 40).

Приведя эти строки, А. Волков заключает: «черты отличия Горького и Короленко отмечены правильно».

Что же тут правильного? Автор приведенной рецензии выхолащивает живую душу из произведений Короленко, изображает его «философски спокойным», чуждым всякого волнения, «бурного настроения» и так далее. А. Волков сочувственно приводит подобную характеристику. Если уж цитировать, так не лучше ли воспользоваться словами не рецензента из «Русской мысли», а самого Горького, оставившего замечательные строки о своем друге и учителе: «...я не встречал человека с такой неутомимой жаждою «правды-справедливости», человека, который так проникновенно чувствовал бы необходимость воплощения этой правды в жизнь», — писал он о Короленко.

Чтобы показать действительное отличие Короленко от великого пролетарского художника, слившего свою судьбу, творчество, деятельность с революцией, вовсе не надо принижать Короленко, искажать его облик.

С Чеховым наш исследователь так же строг, как и с Короленко. Почти во всем, что пишет Горький о Чехове, автор усматривает лишь мотивы идейной полемики:

«...Полемическая направленность горьковских высказываний о Чехове обнаруживается даже в его похвалах, — уверяет А. Волков. — В рецензии на рассказ «В овраге» (1900) Горький писал: «Страшная сила этого таланта именно в том, что он **никогда ничего не выдумывает от себя,** не изображает того, «чего нет на свете», но что, быть может, и хорошо, может быть, и желательно».

Горький пишет здесь о **силе** чеховского реализма, о верности писателя правде жизни, о том, что он — в противоположность декадентам — «ничего не выдумывает от себя», не изображает того, «чего нет на свете». Спрашивается, какая же здесь «полемическая направленность» против Чехова?

Волков пишет: «Здесь ясно видна грань между творческими принципами Чехова и Горького. Горький подчеркивает, что Чехов «ничего не выдумывает от себя». Творческие же поиски молодого Горького шли в ином направлении. Он искал путей к созданию таких произведений, где изображение настоящего было бы проникнуто героической устремленностью в будущее, где изображение настоящего сочеталось бы **с изображением того, «чего нет на свете», но что, быть может, и хорошо, может быть, и желательно».**

Горький противопоставляет Чехова-реалиста декадентам, а Волков пытается использовать это высказывание, чтобы противопоставить Горького Чехову!

Конечно, ошибается тот, кто не видит, какой огромный шаг сделал Горький по сравнению со своими предшественниками, и, в частности, Чеховым. Но ошибку допускает и тот, кто полагает, будто Горькому для изображения настоящего с позиций будущего, для утверждения мечты, нужно было вовсе отказаться от «страшной силы» реализма и начать писать о том, «чего нет на свете». Ведь сам же А. Волков приводит, правда, в другой главе и в другой связи, весьма интересные слова Горького о самом себе: «никто не выдумывает меньше меня».

Такую же ошибку допускает автор, говоря об отношениях Горького с Толстым: «Для молодого Горького, боровшегося за «выпрямление» человека, видевшего основную задачу литературы в создании образов сильных, свободолюбивых людей, метод Толстого, раскрывающий психологию человека во всей ее противоречивости, «приземляющий человека», не мог не быть чуждым».

Неужели изображать «сильных, свободолюбивых людей» — значит отказываться от раскрытия психологии человека «во всей ее противоречивости»? Неужели молодой Горький ничему не учился у одного из величайших реалистов мира?

У автора были самые благие намерения — он хотел «возвысить» Горького. Но ради этого он принижает предшественников великого писателя, отрывает его от реалистических традиций и тем самым невольно снижает и значение Горького, который унаследовал в своей деятельности и в творчестве все лучшее, что было в русской классической литературе.

3. А. Волков приводит фразу из письма Горького, который отмечает «канцеляризмы» в языке молодого Тренева: «И вдруг — канцелярия: «В сношениях имений телефон нашел применение!»

Но вот первая фраза, открывающая книгу А. Волкова: «Изучение взаимоотношений Горького с писателями-современниками конца XIX — начала XX века имеет большое значение для правильного понимания литературного процесса предоктябрьской эпохи».

Фраза эта — не исключение. Книга А. Волкова написана в целом ясно и доказательно, но мы находим здесь и такие обороты: «Это первые всходы того единства общественного и личного, их неразрывной связи, которое явится отличительным признаком социалистического искусства».

Поэтому трудно согласиться с В. Афанасьевым, рецензентом этой книги, ограничившимся заявлением, что «она написана просто и ясно» («Знамя», № 3, 1952 г.).

Некоторые положения в рецензии В. Афанасьева удивляют. «Рассказывая об отношениях Горького с Толстым, Короленко, Чеховым, исследователь раскрывает глубокую и тесную связь основоположника социалистического реализма с классической литературой XIX века», — пишет он.

Вместо того, чтоб указать на недостатки книги А. Волкова, В. Афанасьев выдает их за достоинства.

Впрочем, рецензент пробует и критиковать А. Волкова, но делает это стыдливо, словно извиняясь. Вот, например, как выражает он свое критическое замечание по адресу автора, который поверхностно осветил вопрос о взаимоотношениях Горького и Маяковского: «Приведя общеизвестные факты, А. Волков не воспользовался в полной мере своим правом исследователя глубже осмыслить до сих пор еще недостаточно разработанную литературоведением проблему творческих связей двух величайших писателей нашей эпохи».

Жаль, что В. Афанасьев, говоря его же языком, не воспользовался в полной мере своим правом критика говорить автору правду прямо и недвусмысленно, не прибегая к парламентски-витиеватым оборотам.

А. Волков написал содержательную и полезную книгу. Но она не лишена серьезных недостатков. Исследователь не может считать свой труд законченным. И вряд ли поможет автору критик, который прибегает к натянутым комплиментам и уклончивым оборотам.

А. Волков. «М. Горький и литературное движение конца XIX и начала XX века». Изд. «Советский писатель». 1951. 531 стр.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

◇ ◇

Где родился Аркадий Гайдар?

Сотрудники нашей библиотеки оказались в очень затруднительном положении — мы не можем точно ответить своим читателям на такие, казалось бы, простые вопросы: где родился писатель Аркадий Гайдар? Где он учился? Не можем ответить потому, что не знаем твердо. А не знаем потому, что мы сбиты с толку.

В сборнике «Избранное» Аркадия Гайдара («Библиотека избранных произведений советской литературы». «Советский писатель», 1947 г. Редактор К. Иванова) сказано: «Аркадий Петрович Гайдар (Голиков) родился в 1904 году в городе Арзамасе, Горьковской области» (стр. 490), а в книге «Жизнь и творчество А. Гайдара» («Материалы для выставки в школе и детской библиотеке к 10-летию со дня смерти писателя». Детгиз, 1951 г. Составили И. Михайлова и А. Витман, редактор С. Любимова) говорится: «Аркадий Петрович **Гайдар (Голиков) родился в 1904 году** в г. Льгове, бывшей Курской губернии» (стр. 2).

Вот мы и не знаем — где же в действительности родился А. Гайдар: в Арзамасе или Льгове? В Горьковской ли области или в бывшей Курской губернии?

Далее. В первой из упомянутых выше книг сказано, что учился А. Гайдар в Арзамасской гимназии; во второй же книге говорится: «В Льгове Гайдар провел первые пять лет своей жизни... В 1912 году семья Голиковых переезжает в город Арзамас... Осенью 1914 года Аркадий поступил в 1-й класс Арзамасского реального училища». И на 4-й странице этой книги опубликован фотоснимок: «Здание Арзамасского реального училища, где учился А. Гайдар с 1914 по 1918 год. Фото 1951 года».

Мы в совершенном недоумении: где же все-таки учился А. Гайдар — в Арзамасской гимназии или в Арзамасском реальном училище. Или, может, одновременно там и там? Или одно и то же учебное заведение называется двояко, по-разному (в зависимости от того, кто редактирует книгу)?

М. АФАНАСЬЕВА,
заведующая дорожно-технической библиотекой Дальневосточной железной дороги

◇

Неряшливость

К нам, в Воронеж, эта книжка пришла в день, когда в Доме-музее И. С. Никитина проходил сбор пионерского отряда 8-й городской женской школы, посвященный такой теме: «Великий русский народ и русская природа в творчестве Ивана Саввича Никитина».

Новое издание стихов И. С. Никитина, недавно выпущенное Детгизом, могло быть дорогим подарком читателям и в особенности нам, живущим на родине известного русского поэта. Но разочарования последовали очень быстро. На первой же странице под широко известным портретом поэта—подпись: **Иван Сергеевич (?!)** Никитин.

Отметив такой вопиющей небрежностью начало сборника, его составители украсили страницы книжки и другими примерами неуважения к памяти поэта.

Издавая книжку в «Школьной библиотеке», Детгиз в предисловии не рассказал читателям, в какой школе учился сам поэт, что она дала ему и какое мрачное впечатление оставила на всю его жизнь.

Неизвестно также, чем руководствовались составители сборника (редактор В. Гакина) при подборе стихотворений: на наш взгляд, он неудачен. Известное стихотворение Никитина о судьбе детей в царской России «Утро на берегу озера» обрывается почему-то в том месте, где начинается повествование о трагическом положении детей трудящихся до революции. Не вошло в сборник одно из самых лучших политических стихотворений Никитина «Падет презренное тиранство».

Может быть, составители сборника полагали, что читатель-де мал и не разберется в стихах поэта, не поймет их. Как жалко, что не довелось им побывать на нашем пионерском сборе, посвященном творчеству И. С. Никитина! Они бы услышали яркие и интересные доклады о его жизни и творчестве, которые сделали пионерки Вера Зиберова и Лида Фатьянова, услышали бы, как вдохновенно читали многие школьницы лучшие стихи любимого поэта. Быть может, тогда редакторы из Детгиза устыдились бы.

М. СОТНИКОВ,
старший научный сотрудник Дома-музея И. С. Никитина

ВОРОНЕЖ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

◇ ◇

НА УКРАИНЕ

ОБСУЖДЕНИЕ НОВОЙ ПЬЕСЫ

Новая пьеса В. Минко «Яблоневый сад» обсуждалась на заседании комиссии по драматургии ССП Украины. Были отмечены жизненность ситуаций пьесы, правдивость ее основного конфликта. Вместе с тем участники обсуждения рекомендовали автору углубить характеристики ряда персонажей, поработать над финалом пьесы.

Творческое обсуждение новой пьесы — отрадное явление в работе комиссии по драматургии ССПУ. Однако комиссия не сумела еще привлечь к этому достаточно широкий круг драматургов, критиков, работников искусства.

ПЕРЕВОДЫ РУССКИХ КЛАССИКОВ

Большинство переводов трехтомного собрания сочинений Н. Гоголя на украинском языке, которое выходит в издании «Держлітвидава», сделаны заново. В новых переводах на украинский язык выйдут также 16-томное собрание сочинений М. Горького и 4-томное собрание сочинений А. Пушкина. К работе над переводами издательство привлекло 50 украинских поэтов и прозаиков. Среди них — М. Рыльский, М. Бажан, О. Гончар, Ю. Яновский, А. Головко, П. Панч, Л. Дмитерко, А. Копыленко, С. Скляренко, Иван Ле, А. Ильченко и другие.

В 1952 году произведения классиков русской литературы в переводе на украинский язык выйдут двухмиллионным тиражом.

КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА «В СТЕПЯХ УКРАИНЫ»

Лауреат Сталинской премии поэт С. Олейник написал либретто в стихах по сюжету известной пьесы А. Корнейчука «В степях Украины». Музыку одноименной комической оперы создал киевский композитор Оскар Сандлер. Опера «В степях Украины» принята к постановке в Московском музыкальном театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Странно, что республиканский Комитет по делам искусств не проявил интереса к новой опере.

БИБЛИОТЕКА «ПЕРЦЯ»

В издании украинского журнала юмора и сатиры «Перець» начала выходить массовая библиотека сатиры и юмора. Стотысячными тиражами изданы первые четыре книжки: памфлеты и фельетоны Я. Галана, стихи С. Олейника, С. Воскрекасенко, Д. Белоуса. В ближайшие дни выходят фельетоны О. Вишни и сборник сатирической и юмористической прозы молодых авторов «Перця». До конца года выйдет еще несколько книжек.

КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь» готовит к печати на украинском языке 24 произведения советских писателей. Будут изданы: трилогия В. Беляева «Старая крепость», повесть Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома», «Песня о самом дорогом» Р. Гамзатова, «Ина хочет все знать» Л. Пелманиса, «Дом на горе» А. Мусатова, «За синим лесом» Т. Хадкевича, «Огненный ручей» И. Дика, «Огонек» Е. Благининой и другие произведения.

А. ГАЛИНСКИЙ,
корр. «Литературной газеты»

КИЕВ. (По телефону)

Пятидесятилетие Рахими

СТАЛИНАБАД. **(Наш корр.).** Местная общественность отмечает 50-летие одного из старейших поэтов республики Мухамеджана Рахими. С юных лет, работая сапожным подмастерьем, Рахими начал писать стихи. С 1924 года он печатается в газетах и журналах Таджикистана, стихи Рахими пользуются популярностью. Широко известны и любимы в народе его песни о Ленине и Сталине.

Рахими перевел на таджикский язык «Бахчисарайский фонтан» А. Пушкина, «Фому Гордеева» М. Горького, поэму В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и другие произведения. Сейчас он пишет поэму о борьбе за мир, работает над переводом «Шахнамэ» Фирдоуси, редактирует таджикско-русский словарь. Рахими ведет большую работу по воспитанию молодых писателей.

Президиум Верховного Совета Таджикской ССР наградил Мухамеджана Рахими в связи с его пятидесятилетием почетной грамотой. Республиканские газеты и журналы посвятили статьи жизни и творчеству поэта. На имя юбиляра поступили многочисленные приветственные телеграммы от общественных организаций, редакций, научных учреждений, учебных заведений.

СБОРНИК «ЗА МИР»

БАКУ. Азербайджанское государственное издательство детской и юношеской литературы выпустило массовым тиражом сборник стихов поэтов Азербайджана «За мир». В сборник вошли стихи лауреатов Сталинской премии Сулеймана Рустама, Мамеда Рагима, Расула Рза и других поэтов.

Массовым тиражом выпущены избранные произведения Гоголя, Назыма Хикмета, книги А. Гайдара, С. Маршака и других советских писателей.

Новые книги

Виноградов И. Белая степь. Рассказы. Хабаровск. Дальгиз. 152 стр.

Гринберг И. Николай Тихонов. Очерк жизни и творчества. «Советский писатель». 280 стр.

Денисов Г. Жизнь торжествует. Стихи, песни, переводы. Фрунзе. Киргизгосиздат. 127 стр.

Лазарев В. Леонардо да Винчи. Издательство Академии наук СССР. 112 стр.

Лебедев К. Дни испытаний. Роман. 2-е исправленное издание. Казань. Татгосиздат. 303 стр.

Линия жизни. Сборник рассказов о Советской Армии. Воениздат. 200 стр.

Паушкин Г. На дальней заставе. Повесть. Казань. Татгосиздат. 80 стр.

Рыбин А. В степи. Роман. Чкалов. Облиздат. 254 стр.

Толстой А. Избранные сочинения. В 6 томах. Т. 5. Петр Первый. Роман. «Советский писатель». 807 стр.

Франко И. Маленький Мирон. Рассказы. Перевод с украинского В. Бонч-Бруевича. Киев. Гослитиздат Украины. 60 стр.

Чабанивский М. Под звездами балканскими. Рассказы и очерки. Авторизованный перевод с украинского Т. Стах. «Советский писатель». 168 стр.

Чекменев Н. Пишпек 1918 года. Роман. Фрунзе. Киргизгосиздат. 184 стр.

Чехов В. На правом фланге. Роман. Книга 2. Разведчики. Петрозаводск. Госиздат Карело-Финской ССР. 396 стр.

Н. ГОЛОВАНОВ,
народный артист СССР

За советскую классическую оперу!

У всех нас — громадной важности задача, поставленная перед нами партией и народом: создать советскую классическую оперу.

Классическое — **всегда живое.** Творения Фидия, Праксителя, титанов Возрождения, грандиозная готика средневековья, великие произведения наших русских художников пера и кисти обретали вечную жизнь и способность заражать волнением сердца и умы людей прежде всего благодаря большой идее. Идея — она и только она — изнутри, как лучами, освещает каждое великое создание искусства. Гений — это величайшая восприимчивость ко всему прекрасному и уменье талантливо выразить **духовное** содержание жизни в совершенной, законченной форме.

В споре об опере — искусстве синтетическом, включающем в себя почти все искусства, — надо исходить из высоких представлений о классических созданиях человеческого гения; надо по ним, как по камертону, настраивать все наши усилия и намерения. Критиковать и давать рецепты легко, создавать новую оперу трудно. И мы обязаны объединить все наши усилия: и драматурги, и композиторы, и дирижеры, и режиссеры.

Наши композиторы могут и должны создать новые, классические оперные произведения. Наша жизнь, наша грандиозная эпоха, героизм наших людей, могущество нашего народа, прокладывающего дорогу в неизведанное, в новую эру человечества — в коммунизм, достойны самой вдохновенной и великой музыки. Для создания замечательных опер у нас есть все: мы владеем бесценным мировым русским и западноевропейским классическим наследием; у композиторов есть все профессиональные и материальные возможности для творчества. Дело только за упорным трудом. Но и труд был приложен: за последние тридцать пять лет было создано **несколько сот** новых опер. Значит, самое главное в том, чтобы договориться не только о том, **что** надо делать, но и о том, **как** работать, чтобы создать классическую советскую оперу.

В споре между И. Козловским и Д. Кабалевским, который шел на страницах «Литературной газеты», мне кажется, оппоненты не поняли друг друга. Оба они — за то, чтобы родилась советская классическая опера. Оба они дополняют друг друга. Но Козловский напоминает о традициях, специфике и законах оперного искусства, всегда искавшего ярких сюжетов; он хочет романтических образов, которые уже возвеличены, обобщены самой жизнью. А Кабалевский утверждает, что «опера наших дней — это прежде всего опера о наших днях», не объясняя, **как** ее надо создавать, какие мотивы, сюжеты, какое конкретное содержание должно быть предметом оперы.

Когда Козловский называет имена Чапаева, Щорса, Лазо, Зои Космодемьянской, которые могли бы стать героями оперы, он отнюдь не призывает композиторов посвящать свои произведения далекой старине. Он понимает, что **конкретное содержание** могут дать опере только **обобщенные образы,** ставшие знаменем целой эпохи и наших дней. Опыт почти всего мирового оперного искусства говорит, что бессмертными стали только те оперы, где герои — живое воплощение чувств, дум, настроений целого века, целого исторического периода. Оперное произведение может быть и историческим, но оно станет современным по содержанию музыки, по идее, по мастерству, если будет озарено светом нашего дня, представлениями наших людей.

При всем уважении к таланту и знанию жизни, которые проявил Е. Мальцев в романе «От всего сердца», мы не можем сказать, что его герои выражают **главнейшие** черты, думы и чаяния нашего народа. Это не обобщенные образы, но **люди одного растущего колхоза** и притом — одного краткого (во времени) отрезка жизни. Бесспорно, что Чапаев, даже только тот его образ, который донесен до нас в известном романе Д. Фурманова, имеет больше прав на оперные подмостки, чем, скажем, Родион из романа Мальцева, ибо Чапаев — это легендарный образ, всем народом признанный **герой нашего времени.** Отсюда общая горячая любовь к кинокартине «Чапаев».

Значит, наиболее близким опере героем является самый яркий и значительный герой своего времени. И призыв «вернуть опере оперное», выдвинутый Козловским, отнюдь не означает возврата к итальянской опере. Нет, следуя великим традициям русских композиторов-классиков (и не только русских), советские композиторы должны учиться их умению отбирать для опер такие произведения литературы, в которых в самой яркой драматической форме, в характерах-слитках величайшей типичности даны самые главные, самые решающие черты народной жизни и запоминающиеся герои и явления. Здесь должны быть яркие драматические конфликты с типическими обобщениями, черты героя, выраженные обязательно талантливой мелодической музыкой в современном оркестровом наряде. Доходчивая мелодически и гармонически, она должна заражать силой своей одухотворенности, радовать отточенной, совершенной формой.

Опыт показал, что в любом сюжете — сказочном, мифологическом, историческом — можно выразить самые передовые и прогрессивные воззрения, если композитор знает жизнь, настроения и запросы общества. Ведь даже простая с виду опера-сказка «Золотой петушок» была злым памфлетом на самодержавие, и каждому были понятны пушкинские слова: «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок». Этот сатирический намек, заключенный в сказке Пушкина, и выразил Римский-Корсаков.

Мне думается, что, создавая современную оперу, композиторы должны обязательно заботиться об ее увлекательности и доходчивости, о способности искусства заражать волнением человеческие сердца и потрясать воображение. Музыка дает для этого огромный простор. Она способна выразить и всенародный гнев, и радость миллионов, и затаенные интимные чувства одного человека, и переживания, борьбу различных индивидуальностей.

На вопрос о том, **как** это делается, трудно, но можно ответить, если глубоко-творчески и деловито-профессионально изучать произведения классиков. Ведь каждый их герой — не только яркая индивидуальность, он в то же время тип, характер, обобщенный образ своего времени. Все эти его свойства проявляются в борьбе, в столкновении, в конфликте. Если нет в опере конфликта, значит нет оперы, потому что она должна быть действенной драмой, выраженной талантливой музыкой.

Когда дирижер выходит к своему пульту, чтобы вести классическую оперу, он знает, что его палочке подвластны музыкальные силы, которым в свою очередь подвластно человеческое воображение. Характерная черта: если заглянуть в партитуру любой классической оперы, можно убедиться, что она сразу же начинается с напряженного действия и смысл оперы раскрывается уже в начале. В первом же акте «Руслана и Людмилы» веселый пир нарушают удары грома, сгущается мрак. Исчезает Людмила. Герои поражены, они в оцепенении. Все их душевное смятение, всю их растерянность выражает знаменитый канон «Какое чудное мгновенье». В первом же акте «Пиковой дамы» идет квинтет — пять главных героев оперы как бы про себя рассказывают о своих затаенных думах и чувствах, о своих намерениях и замыслах, и это сразу же заставляет нас ждать роковых событий. В первых же явлениях оперы «Евгений Онегин» — в квартете Ольги, Татьяны, Онегина и Ленского — кратко, лапидарно, выразительно не только представлен каждый герой, но и намечены их дальнейшие, полные драматизма отношения.

«Вернуть опере оперное» — это и значит вот так, до предела кратко и лаконично, специфическими средствами оперного искусства охарактеризовать героя; это значит играть на сцене не повесть или роман, а оперу, со всеми, только ей присущими средствами художественной выразительности. Главная ошибка большинства наших композиторов, современных режиссеров и театров состоит в том, что первые пытаются положить на музыку литературу без всякого творческого претворения, без перевода на язык музыки, а вторые и третьи (в том числе и мы, в Большом театре) ставим иногда не оперу, а литературу — сюжет повести или романа, без глубоких преобразований.

Мне вспоминается мой горячий и принципиальный творческий спор с таким талантливым художником, как И. М. Москвин. При постановке «Снегурочки» на сцене Оперной студии имени К. С. Станиславского он в беседах с режиссерами и актерами очень ярко и талантливо показывал земные, бытовые, мужицкие черты героев «Снегурочки». Я не согласился с такой трактовкой оперы и поставил наш спор на суд К. С. Станиславского. Константин Сергеевич встал не столько на мою сторону, сколько на сторону композитора. В «Снегурочке» Римского-Корсакова, сказал он, все бытовое, сугубо реальное и чувственное, что составляет драматургию пьесы, отброшено композитором. В музыке осталась только чистая, как родник, возвышенная народная фантазия и поэзия — она и есть подлинная стихия оперы «Снегурочка». В этом и есть главное отличие оперы от пьесы. И современные оперные режиссеры совершают большую ошибку, когда, скажем, вместо оперы Бизе ставят новеллу Мериме, хоть это две совершенно разные вещи.

И вот глубокое исследование того, как преобразуется литературный источник в классическую оперу, мне кажется, и может дать ответ на то, как создается оперное произведение, в чем своеобразие реализма оперы, какие мотивы литературного сюжета могут быть преобразованы в специфическое оперное действие.

Мы ждем, нам нужна, как воздух, опера, посвященная нашим дням, героям нашего времени, драма, исполненная высоких чувств и страстей, борьбы и героизма, которыми до краев полон наш век, наша эпоха. Как художник и как гражданин, я не раз сравнивал нашу жизнь с жизнью Запада. Уже в послевоенные годы, путешествуя по Италии, которая некогда была Меккой и Мединой оперного искусства, я своими глазами увидел, до какого маразма и падения довели прекрасное итальянское вокальное искусство безобразная реклама, торгашеский дух, родившиеся под американским владычеством. Здесь не только нет новых настоящих опер, но старые классические произведения ставятся варварски, без попытки выразить идейный смысл, без элементарного художественного такта, без глубокой режиссерской работы, в нищенском оформлении.

Оглянемся вокруг: наша страна стоит во главе славного движения всех народов мира за мир, за всеобщее счастье и процветание. Наши герои своими подвигами, творческими свершениями превосходят всех героев древности. Для того, чтобы показать этих героев на оперной сцене, нужен могучий талант композитора, способного создать классическую советскую оперу, воспевающую нашу советскую жизнь. Мы с нетерпением и надеждой ждем пришествия такого художника, рождения Мусоргских наших дней.

В порядке обсуждения.

К декаде литовской литературы и искусства

ВИЛЬНЮС. (Наш корр.). В Литве началась подготовка к декаде литовской литературы и искусства, которая будет проведена в Москве в нынешнем году.

Республиканское издательство художественной литературы выпустит к декаде на русском языке крупнейшие произведения литовской литературы последнего периода, в том числе: роман А. Гудайтиса-Гузявичюса «Братья» (продолжение романа «Правда кузнеца Игнотаса»), роман А. Венуолиса-Жукаускаса «Пуоджюнкемис» (о судьбах старой литовской деревни), поэму В. Вальсюнене «Вероника» и другие.

Андрэ **ВЮРМСЕР**

ПОЩЕЧИНА ПРЕДАТЕЛЯМ

Недавно в Париже закончился судебный процесс, возбужденный группой предателей, бежавших из стран народной демократии, против французских писателей Рено де Жувенеля, автора книги «Интернационал предателей», и Андрэ Вюрмсера, автора предисловия к этой книге.

В работе Рено де Жувенеля собраны многочисленные документы, свидетельствующие о подрывной деятельности врагов народа — американских и английских шпионов и диверсантов в странах народной демократии. Разоблаченные предатели по указке своих хозяев обвинили авторов книги и предисловия в «диффамации» и надеялись, что французский суд станет на их сторону.

Этот процесс, задуманный и организованный американской пропагандой для разжигания военной истерии и поддержки своих агрессивных планов против стран народной демократии, не оправдал надежд, возлагавшихся на него поджигателями войны. На суде «обвиняемые» превратились в обвинителей и доказали полнейшую неопровержимость тех фактов, о которых свидетельствует книга Рено де Жувенеля.

Пока длилось судебное разбирательство, по всей Франции не прекращались протесты против новой попытки американских империалистов использовать французское правосудие в своих гнусных целях. Судьи не могли не считаться с этой широкой кампанией протеста.

После 14 заседаний, затратив свыше месяца на размышления, суд вынес приговор, в котором еще раз подтвердил предательскую деятельность «истцов». Однако суд оказался противоречив в своих решениях. Опасаясь прогневать своих французских хозяев и американских организаторов процесса, он приговорил Рено де Жувенеля и Андрэ Вюрмсера к штрафу в 12 тысяч франков за «резкий тон книги». Начиная свой процесс, предатели требовали, чтоб суд присудил 1 миллион франков каждому в возмещение убытков «за клевету». По приговору суда им всем присужден один франк.

Мы публикуем ниже написанную для «Литературной газеты» статью Андрэ Вюрмсера, в которой он дает оценку закончившемуся процессу.

Осужденному, как говорят, предоставляется 24 часа на то, чтобы проклясть своих судей. Мне не хочется проклинать тех, кто приговорил Рено де Жувенеля и меня к уплате штрафа в 12 тысяч франков в казну. Я не хочу этого делать, во-первых, потому, что наши судьи в конце концов стали испытывать явное отвращение к предателям, которые затеяли против нас это дело. Затем еще и потому, что на нашем процессе юридические и формальные соображения суда имели второстепенное значение. Такой процесс заканчивается с последним своим заседанием, и приговор суда не может изменить смысла разоблачений, последовавших во время прений.

Четыре года тому назад другие судьи вынуждены были «осудить» меня столь же формальным образом, но и признать, что я и мои товарищи вправе были «высказать справедливое и суровое порицание» тогдашнему «истцу» предателю Кравченко. Господин Кравченко «выиграл» процесс, но сегодня всякий, кого вы назовете «Кравченко», вправе привлечь вас к ответственности за оскорбление. Имя выигравшего (!) процесс стало позорным. Лагерь поджигателей войны, затевая новое «дело», попытался подвести под обвинение режим стран народной демократии; использовав для этого в качестве представителя французского правительства помощника прокурора. В тех случаях, когда он брал слово, он всегда высказывался в пользу предателей и для осуждения социализма.

Однако нашим судьям пришлось считаться с тем, что даже с точки зрения буржуазного права участвовать в заговоре против родины, служить иностранцам, которые угрожают ей вторжением и уничтожением,—преступление, именуемое предательством. Исходя из такого положения, в приговор пришлось записать следующее: «Учитывая характер изданий, редактируемых и распространяемых Ковалевским и Гемето, обвиняемые могли притти к заключению, что Диану, Ковалевский и Гемето предавали свою родину. Кроме того, Ковалевский и Гемето действовали за границей с целью свержения установленного в их стране режима или, во всяком случае, вели усиленную пропаганду в этом направлении, при вероятной поддержке и с ведома и согласия если не самих иностранных правительств, то, по крайней мере, видных деятелей и частных группировок». Далее в приговоре сказано: «Мы можем еще сослаться на право свободного обсуждения, принадлежащее историку или публицисту».

Собирались ли нас оправдать? Нет! Судьи сохранили за собой возможность сослаться на резкий тон книги и осудить нас за... невоздержанность стиля. Наши «истцы» действительно предатели, но мы, видите ли, слишком громко об этом кричали. Нам следовало говорить, что эти лица, кажется, имеют склонность не проявлять все те добродетели, которые принято ожидать от честных патриотов. Ну, нет! Мы будем попрежнему называть вещи своими именами: предатель — это предатель. Мы будем действовать так, и наши успехи будут еще более значительными после громкого провала этого судебного дела, вокруг которого хотели поднять такую шумиху. Предатели, держу пари, не будут больше обращаться в суд.

Сама «Орор» — ярая проамериканская деголлевская газета — горько признавалась на следующий день после объявления приговора: «Процесс против «Интернационала предателей» не оправдал возлагаемых на него надежд».

Обратимся немного к истории этого «дела», закончившегося столь позорно для его организаторов.

В 1948 году французский писатель Рено де Жувенель в книге «Интернационал предателей» разоблачил шайку эмигрантов, которую правительство Соединенных Штатов использует для своих темных дел по линии шпионажа, саботажа и распространения ложных слухов. В 1949 году вышло второе издание книги, к которому Рено де Жувенель просил меня написать предисловие. Через несколько недель бывший румынский «дипломат» Диану написал лжеминистру лжеправительства эмигрантской «Польши» письмо, которое он, по своей глупости, адресовал «господину министру иностранных дел польского правительства в Лондоне». Совершенно естественно, что чиновники английской почты вручили письмо посольству Польской республики.

«Мне пришла мысль,— писал этот глупец,— затеять процесс о диффамации против автора и издателя «Интернационала предателей». «Таким образом,— рассуждал он,— нам представится исключительный случай рассказать все, что происходит за железным занавесом», т. е. излить на страны народной демократии обычный поток ругательств и клеветы. Ясно, что задуманный процесс был лишь рядовым мероприятием американской пропаганды. В том же письме Диану упоминал, между прочим, что его всячески поддерживает юрист Изар, адвокат Кравченко, убежденный, что легко будет найти необходимые для процесса денежные средства. Недвусмысленная роль этого своеобразного «защитника» становится вполне понятной, если знать, что уже 20 лет назад Морис Торез разоблачил его как провокатора. Не кто иной, как Изар, руководил яростной кампанией антисоветской клеветы в связи с процессом Кравченко. Он является завсегдатаем американского посольства, юрисконсультом крупных американских трестов, в частности треста «Кока-Кола», напитка, ввозимого во Францию в нарушение всех законов и кровных интересов наших виноградарей. Начиная свое грязное дело, Диану, по совету этого юрисконсульта Америки, завербовал нескольких единомышленников: двух румын, болгарина, поляка, албанца. О процессе возвестили с громким шумом, но тут же один из румын предпочел «исчезнуть»; албанец — военный преступник, выдачи которого с 1945 года требует его родина, в свою очередь оказался слишком компрометирующей фигурой. Тактика, которой решили придерживаться организаторы процесса, оказалась весьма несложной. Трое оставшихся марионеток привлекают нас к ответственности. Эмиграционные «тузы», те, чья деятельность подвергалась наиболее энергичному разоблачению в книге Рено де Жувенеля, оставляют за собой менее опасную роль свидетелей и по очереди будут излагать перед судом свои измышления.

Но получилось не совсем так, как этого желал сей сброд. Именно потому, что наши «истцы» были рядовыми статистами, они полагали, что мы обладаем скудными сведениями о них. Самонадеянно они заявили: «Докажите, что мы предатели». Мы доказали это без особенного труда. Каждый из них был пойман с поличным, и поневоле им пришлось сознаться во лжи. Диану рассказал о том, как он добровольно вступил в ряды армии, которая под командованием гитлеровцев вторглась в Советский Союз; болгарин Гемето признал, что в самый разгар войны он разъезжал по Среднему Востоку с такими удобствами, что его связи с английской разведкой стали вполне очевидными. Польский полковник Ковалевский сознался в том, что он был связан с германской разведкой, что он шпионил за участниками движения Сопротивления во Франции, что он попрежнему остается фашистом, что перед войной он любезно дал интервью официальному органу фашистской партии «Фелькишер Беобахтер».

Свидетели обвинения оскандалились в неменьшей степени. Бывшему чехословацкому министру Рипка пришлось сознаться, что через 20 дней после его выхода из состава правительства иностранный самолет опустился на территорию Чехословакии, чтобы тайно вывезти его за границу. Пришлось ему воздать должное и тем, против кого он только что давал показания. На вопрос адвоката Нордмана: «Не скажет ли суду свидетель Рипка, какая политическая партия во Франции является единственной, возражавшей против расчленения Чехословакии в период Мюнхена?» — Рипка вынужден был сказать: «Коммунистическая партия Франции».

Миколайчик не смог отрицать, что в бытность свою вице-президентом совета министров Польши он дал указания генералу Модевскому, которого он посылал в качестве военного атташе в Вашингтон, предоставить себя в распоряжение американской разведки. Бур-Комаровский, виновник гибели полумиллиона граждан Варшавы, вынужден был признать, что он принял решение о злополучном восстании*, не связавшись с советским командованием. Его роль сообщника оккупантов и гитлеровских палачей была беспощадно разоблачена. В 1943 году он клеймил как предателей Польши трудящихся, которые отказывались ехать в фашистскую Германию и уходили в партизаны. Задолго до того, как Советская Армия-освободительница достигла границы его родины, Бур-Комаровский отдал приказ сражаться против Советской Армии, как только она проникнет на территорию страны. При каждом вопросе этот человек косил глазами в сторону документов, которые мы собирались предъявить суду, и, опасаясь, что его снова уличат во лжи, отвечал утвердительно.

Вишояну, крупный богач из среды румынских эмигрантов, не сумел выпутаться из пренеприятнейшей истории. За несколько дней до побега из Румынии этот почтенный министр приказал выдать одному из своих политических друзей полмиллиарда франков, принадлежавших Румынии.

Итак, от заседания к заседанию процесс разбивал наголову именно тех, кто его затеял. Газета «Фигаро», которая предвкушала опубликование стенограмм прений, посвятила им лишь несколько строчек. В фашистской эмигрантской прессе возникали ссоры. Польская эмигрантская газетенка, выходящая в Лондоне, заявила, что этот процесс «ни к чему», и, что весьма показательно, та же статья, слово в слово, появилась в бельгийской консервативной газете.

Безусловно, для врагов мира оказалось «ни к чему» многое из того, что французское правосудие вынуждено было сказать о наших «истцах». Ведь пришлось же, скажем, подтвердить о болгарине Гемето и то, что он был связан с иностранными властями как у себя на родине, так и за границей, и то, что он занимался подозрительной деятельностью в разных странах на Востоке, где он мог свободно разъезжать лишь при содействии этих же властей, и то, что, наконец, он стал генеральным секретарем кулацкого «Зеленого Интернационала» с местонахождением в Вашингтоне.

«Ни к чему», да, но не для всех. Когда трех «истцов», трех предателей разоблачили, они не стали отрицать того, что состоят на жаловании у иностранной державы. Газета, которой руководил Гемето, в свое время этим хвастала. Польский полковник Ковалевский признал, что в 1949 году он служил под начальством британского командования. На вопрос адвоката Нордмана: «Если бы, к несчастью, началась война между Польшей и Великобританией, на чьей стороне вы бы сражались?» — Ковалевский ответил: «Тогда бы видно было».

Кстати, никто из «истцов» и никто из их «свидетелей» не согласился выразить свое неодобрение американскому закону, ассигновавшему сто миллионов долларов саботажникам и предателям — выходцам из стран народной демократии. Хозяин-янки не простил бы им подобного неодобрения. Никто из них не отрицал того, что желает военного вмешательства в дела проданной ими родины. Как известно, «Зеленый Интернационал» обратился с меморандумом к ООН. Подписавшие этот меморандум лица просили вмешаться в дела их стран с той же «энергией и теми же средствами», которые применяются ныне в Корее. Никто из «истцов», никто из их «свидетелей» не отмежевался от этого чудовищного пожелания. Все они предпочитают превращение их родины в залитую кровью новую Корею отказу от тех привилегий, которых их навсегда лишила народная демократия. Они не пытались также оправдываться в том, что боролись против тех, кто сражался с гитлеризмом. Они не смогли отрицать, что совершили поступки, которые, по законам, действующим во всех странах, рассматриваются как предательство.

Последней уловкой для них было признание их классовой позиции: «Да, они предатели, но народ, который они предали, вступил на путь социализма, и поэтому они, привилегированные лица, имели право отказаться от всякого патриотизма, служить загранице и стремиться к уничтожению своей родины». В этом нет ничего нового — так поступали и рассуждали в 1792 году эмигрировавшие из Франции аристократы, вступая в армию герцога Брауншвейгского и громко приветствуя его, когда он грозился сжечь Париж. То же самое говорили в 1917 году русские великие князья, банкиры и белогвардейские генералы. Новое здесь то, что это официальное признание было сделано в Париже во французском суде, что предателям пришлось на этот раз перестать лицемерить.

Если бы процесс «Интернационала предателей» происходил в Будапеште или Софии, реакционные газеты кричали бы, что это «пародия правосудия», что разыгрывалась «комедия признаний». Но процесс происходил в Париже, и, однако, правда восторжествовала. Перед лицом неопровержимых документов предателям пришлось сознаться в Париже так же, как и в Будапеште и в Софии. Поскольку они признались в предательстве, чем мог суд мотивировать вынесенный нам приговор? «Невоздержанностью стиля», как вы это видели, а также, проявив хитроумнейший формализм тем, что эти предатели, как гласит приговор, утратив свою первоначальную национальность, лишившись отечества, не могли уже, «с точки зрения юридической», стать предателями своей бывшей родины. Бывший поляк не может «юридически» предать Польшу? Но ведь он лишился своей национальности именно потому, что он предал свою страну! Под неловкое и злобное молчание проамериканской прессы этот политический процесс, затеянный в целях пропаганды, оказался опасным оружием для тех, кто им хотел воспользоваться. Буржуазии становится все труднее и труднее маскировать свою подготовку к войне, находить для защиты своего дела людей, которых нам не удалось бы разоблачить. Прения при открытых дверях, существование коммунистической прессы становятся, тем самым, для нее все более невыносимыми. Поэтому лакеи американцев во Франции будут пытаться усилить фашизацию страны. Но это не так-то легко сделать. Против этого — французский народ и его коммунистическая партия.

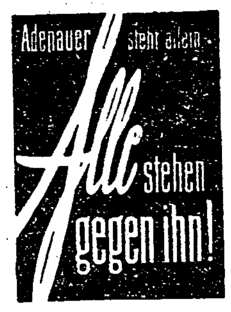
ПАРИЖ, 14 мая. (По телеграфу)

---

* В августе 1944 года, вскоре после освобождения Советской Армией восточной части Польши от гитлеровского ига, польские реакционеры спровоцировали население Варшавы на неподготовленное, авантюристическое, не согласованное с действиями Советской Армии восстание против немецко-фашистских оккупантов. Организаторы восстания стремились предотвратить освобождение Варшавы Советской Армией, захватить польскую столицу, создать в ней буржуазно-помещичье правительство, призвать в Польшу англо-американских интервентов и развязать в стране гражданскую войну. Одним из организаторов этого провокационного восстания, жестоко подавленного гитлеровцами, был предатель польского народа Бур-Комаровский.

После того, как Советская Армия освободила правобережную часть Варшавы — Прагу, фашистские главари восстания перебежали к гитлеровцам и предали повстанцев. **(Ред.).**

ПРОТИВ „ОБЩЕГО ДОГОВОРА“!



Милитаристский «общий договор», который американские империалисты и их агент Аденауэр навязывают Западной Германии, должен, по мысли его авторов, помешать заключению нормального мирного договора, сорвать мирное объединение страны, превратить Западную Германию в плацдарм агрессивной войны. По указке вашингтонских военных стратегов, боннские предатели хотят лишить немецкий народ независимости, права на национальные вооруженные силы. В то же время Аденауэр одевает западногерманскую молодежь в мундиры гитлеровского вермахта, готовясь, по приказу Пентагона, развязать кровавую войну против Советского Союза и европейских стран народной демократии.

Однако с каждым днем растет сопротивление немецкого народа американским агрессивным планам. Все большее число немцев понимает, что политика Аденауэра угрожает их национальным интересам. Вот почему население Западной Германии все активнее борется против американских планов ремилитаризации, против милитаристского «общего договора».

Его еще не подписали, этот договор, однако он уже действует. Свидетельство тому «кровавое воскресенье» 11 мая в Эссене. В этот день войска полиции по приказу министра внутренних дел боннского «правительства» Лера открыли там огонь по участникам демонстрации западногерманской молодежи. Юные немцы выразили свой протест против предательской политики боннской клики. Аденауэр и Лер ответили им пулями, и молодой патриот Филипп Мюллер пал первой жертвой милитаристского «общего договора». Германский народ хочет мира, а не войны, настоящего мирного договора, а не военного «общего договора», окончательно отдающего их страну в кабалу Уолл-стриту. Фото, которые мы публикуем сегодня, иллюстрируют настроения широких кругов западногерманского населения.

REMILITARISIERUNG OHNE UNS!

На снимке слева — плакат, на нем надпись: «Аденауэр одинок — все против него!». Как сообщает поместившая этот снимок американская прогрессивная газета «Нейшнл гардиан», плакат расклеивают сейчас повсюду в Западной Германии.

«Ремилитаризация без нас!» — гласит надпись на заборе в районе одного из сталелитейных заводов Рура. Этот снимок появился в американском журнале «Зис уик».

Книжный кризис в Англии

Издательское дело в Англии переживает серьезный кризис. Полагают, что в нынешнем году издательско-производственные расходы возрастут, по меньшей мере, на сорок процентов. Но уже теперь книги стоят так дорого, что многие англичане не могут себе позволить покупать их. В стране с 50-миллионным населением считается особой удачей, если первое произведение молодого автора, какими бы достоинствами оно ни обладало, выпущено тиражом более трех тысяч экземпляров и... распродано.

От высоких цен на книги особенно сильно страдают дети. Что касается книг для взрослых, то обычно определенное их количество закупают библиотеки. А детские книги в большинстве случаев приобретают частные лица. Но цены на эти книги, в четыре-пять раз превышающие довоенные, теперь не по карману родителям. Таким образом, дети либо вовсе лишены книг, либо получают американские издания, которые стоят значительно дешевле, так как выпускаются в гораздо больших тиражах. Американизация детской литературы привела к тому, что уже в прошлом году количество книг, издаваемых для детей, снизилось вдвое по сравнению с довоенным периодом.

Надо ли говорить, что рост цен отразился также и на литературе, выпускаемой для школ. Тысячи английских детей вынуждены довольствоваться истрепанными, покрытыми кляксами учебниками, которые переходят из рук в руки до тех пор, пока буквально не рассыпаются по листкам.

Издатели мрачно смотрят на будущее. По мнению Ассоциации издателей, «впереди— критический год». «Мелкие издательские фирмы, сегодня полностью предоставленные самим себе, смогут выжить только в том случае, если цены изменят направление, пойдут назад, на снижение»,—говорит Джон Леман, видный представитель издательских кругов. Газета «Санди Таймс» предвидит «потрясающее падение» издания книг в 1952 году.

«В эпоху, когда цивилизация находится под угрозой разрушения,— пишет известный прогрессивный литератор Голдринг,— писатель, который считает своим долгом сделать все от него зависящее для ее защиты, стоит перед дилеммой: либо — чтобы не отпугнуть издателя,— он должен скрывать свои мысли, приспособлять или смягчать их, либо должен найти какой-то новый путь к тому широкому читателю, на которого рассчитана его книга».

Дуглас Голдринг прав, хотя решить проблему, стоящую перед писателем, отнюдь не просто. Огромное большинство книготорговцев бойкотирует прогрессивные издательства, и тем приходится изыскивать другие способы распространения своей продукции. В отличие от Австралии и Соединенных Штатов в Англии профсоюзы еще не взяли на себя заботу о продвижении прогрессивной литературы, хотя это, несомненно, важное средство борьбы за здоровую и подлинно народную культуру.

Общепризнано, что английские романисты с так называемой «прочной репутацией» пишут книги в художественном отношении весьма посредственные. Но даже то немногое, что создано в области английского романа, вытесняется с книжного рынка американскими литературными дельцами, торгующими в разнос порнографией, садизмом и пессимизмом.

Критические отделы большинства газет теперь отводят главное место в своих обозрениях американским книжным новинкам. Непрерывно фабрикуемые по ту сторону Атлантического океана пухлые, занимающие сотни страниц «саги», расписывающие всякого рода любовные истории, половые извращения, мистические ужасы и чудовищные зверства, противоречащие даже самому примитивному представлению о гуманности, систематически переиздаются английскими фирмами. И большинство буржуазных критиков горячо поддерживает литературу подобного сорта.

Это низкопробное чтиво усиленно распространяется среди читателей, возбуждая и поощряя в них вкус к острым ощущениям и всяческой патологии. Для таких книг уже создан свой искусственно раздутый рынок. Этим и объясняется, что многие английские романисты кинулись поставлять ходкий товар для рынка. Таким образом они содействуют дальнейшему вырождению английской культуры, у которой столь богатые традиции в прошлом и в общем столь печальное настоящее.

Пока еще очень немногие английские литераторы пишут, подобно Олдриджу и Гвину Томасу, в реалистическом, прогрессивном духе. Но они, как и Говард Фаст и примыкающая к нему небольшая группа писателей в США, поддерживают огонь в светильнике и вселяют надежду на будущее возрождение подлинно прогрессивных литературных традиций Англии.

Дерек **КАРТЭН**

ЛОНДОН, май

Н. **ФЕДОРЕНКО**

Новые люди Китая

В последние годы в Китае вышло в свет немало замечательных произведений, правдиво рассказывающих о героической борьбе народа против японских оккупантов и гоминдановской реакции. Некоторые из этих книг, как, например, «Повесть о новых героях» писателей Кун Цзюэ и Юань Цзин, изданная недавно в русском переводе, стали любимыми книгами китайской молодежи.

«Повесть о новых героях» является, как говорит Го Мо-жо, «поистине замечательным творческим успехом». Ее популярность среди читателей объясняется прежде всего тем, что со страниц книги перед нами встают образы рядовых борцов за свободу родины. Герои этой повести — юноши и девушки — подлинные представители народа. Их жизнь и мечты близки и понятны широким массам. Их мужество вызывает всеобщее уважение. Их сознательность, высокая мораль — мораль коммунистов, их подвиги рождают у читателя глубокие, волнующие чувства.

Первые главы «Повести о новых героях» посвящены началу национально-освободительной войны в Китае против японских захватчиков, которая длилась восемь лет. Авторы правдиво показывают, как под руководством коммунистической партии растет сила народного сопротивления чужеземным разбойникам. Перед нами одна за другой возникают картины необыкновенного патриотического подъема китайского крестьянства. В тяжелых испытаниях, в героической борьбе закаляется воля патриотов к победе. Тысячи и тысячи крестьян вступают в ряды партизанских отрядов, отражают атаки японских самураев, громят их, освобождают временно захваченные противником территории, создают опорные районы и закладывают основы будущего народного государства. Мы видим вереницу молодых борцов великой армии народа, которая под руководством коммунистической партии и ее вождя Мао Цзе-дуна приходит к победе над врагом.

Коммунист Цай, юноши Ню Да-шуй, Гао Тунь-эр, Шуан-си, девушка Ян Сяо-мэй— это молодая гвардия сражающегося Китая, закаленная в огне суровой борьбы. Судьба героев повести показана в теснейшей взаимосвязи с ходом революционных событий. Верные сыны и дочери народа, они подчиняют все свои помыслы единой цели — завоеванию победы над ненавистными иноземными и отечественными поработителями. Их не могут сломить ни тяжелые испытания, ни пытки в японских застенках.

Глубоко и убедительно показана в «Повести о новых героях» борьба двух лагерей. Чтобы разбить цепи векового рабства, крестьяне во главе с коммунистом слесарем Цаем поднимаются против сил феодально-помещичьего режима, против помещиков Хэ Ши-сюна, Шэнь Яо-цзуна, Чжан Цзинь-луна, которых поддерживают японские оккупанты.

Авторы, не отступая от правды истории, с большим мастерством рисуют сложный процесс перерастания стихийного возмущения народных масс в организованный отпор самурайским захватчикам. Под красные знамена партизанских отрядов стекаются со всех сторон люди, горячо любящие родную землю. Здесь они добывают оружие, проходят суровую школу революционной борьбы и становятся подлинными народными мстителями, самоотверженно сражающимися за освобождение Китая от чудовищного гнета японских оккупантов и их чанкайшистских марионеток.

В центре повести — образы бесстрашных вожаков — китайских коммунистов. Им посвящены лучшие страницы книги, об их славных делах, об их храбрости и мужестве, патриотической целеустремленности и преданности народному делу Кун Цзюэ и Юань Цзин рассказывают с той искренней страстностью и правдивостью, которые присущи подлинно талантливым произведениям искусства.

В обстановке справедливой освободительной войны мужают и растут герои повести Ню Да-шуй и его подруга Ян Сяо-мэй.

Авторы повести принимали непосредственное участие в проведении земельной реформы в центральной части провинции Хэбэй, где развиваются описываемые в повести события. Вместе с народом они прошли славный путь борьбы за освобождение родной страны. На полях сражений, в походах и на привалах, в китайской деревне и в партизанских отрядах черпали они ценнейший материал для своей книги. Глубокое знание народной жизни помогло талантливым писателям создать запоминающиеся образы новых героев свободного Китая — его защитников и строителей.

В огне сражений за торжество народной революции прогрессивными китайскими писателями был создан целый ряд прекрасных произведений. Большой популярностью в современном Китае пользуется поэма Ли Цзи «Ван Гуй и Ли Сян-сян». В ней нашла поэтическое воплощение самоотверженная борьба революционного крестьянства пограничного района Шэньси — Гансу—Нинся.

Выход в свет поэмы, написанной в разгар народно-освободительной войны в Китае, встретил восторженный прием со стороны широких кругов читателей. «Эта поэма,— пишет Го Мо-жо,—является подлинно народным произведением... Это—искусство сегодняшнего и завтрашнего дня».

«Поэма «Ван Гуй и Ли Сян-сян», — говорит Чжо Эр-ву, — несомненно, представляет собою крупнейшее событие. Она кладет начало целому периоду в развитии китайской поэзии... Здесь каждая строка насыщена борьбою, каждая строка является ярким отражением боевой жизни...».

Достоинством поэмы является то, что автор избирает героем своего произведения простого человека — человека труда и убедительно показывает духовный рост китайского крестьянина, его скромность, душевную простоту, изумительное трудолюбие. В скупых, но верных словах поэт изображает подвиги своих простых героев, раскрывает смысл их героических дел.

Вот краткое содержание поэмы. Помещик-мироед Цуй, по прозвищу «второй барин», пользуясь неурожайным годом в местечке Сыян-вань, учиняет зверскую расправу над крестьянином-арендатором Ван Ма-цзы. В расплату за долги Цуй забирает к себе сына замученного насмерть Ван Ма-цзы — тринадцатилетнего Ван Гуя. С первого же дня подросток попадает в жестокую кабалу. Барское самодурство и произвол не знают границ. Только старый бедняк Ли Дэ-жуй принимает трогательное участие в судьбе маленького пастушонка. Этих двух обездоленных людей — мальчика и старика — связывают незримые нити взаимного доверия.

Одновременно развивается лирическая тема. Ван Гуй знакомится с девушкой по имени Ли Сян-сян, единственной дочерью Ли Дэ-жуя, остальные дети которого умерли голодной смертью. Проходит время, и между ними завязывается дружба, вырастающая впоследствии в большую и верную любовь. Однако на пути молодых людей становится помещик Цуй... Борьба между помещиком и батраком Ван Гуем показана в поэме на широком фоне больших социальных событий в стране. В этой жестокой схватке побеждает Ван Гуй — боец партизанского отряда.

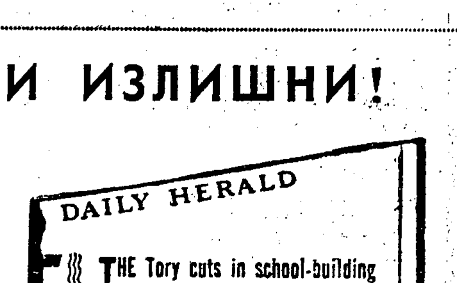
Ли Цзи, творчеству которого свойственен мягкий, задушевный лиризм, в ярких красках нарисовал картины новой китайской деревни, раскрыл поэзию свободного труда, преображающего жизнь.

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Английская газета «Дейли геральд» 19 февраля 1952 года поместила статью по поводу неудовлетворительного состояния, в котором находятся британские школы. В редакционном вступлении к этой статье говорится:

«Осуществляемое консервативным правительством сокращение ассигнований на школьное строительство вызывает беспокойство во всей стране. Тысячи детей обучаются в условиях, которые потрясли бы Диккенса в прошлом столетии».

Комментарии излишни!



DAILY HERALD

THE Tory cuts in school-building are causing nation-wide concern. Thousands of children are being taught in conditions that would have startled Dickens last century. In

Главный редактор **К. СИМОНОВ.**
Редакционная коллегия: **Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ** (зам. главного редактора).

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б 02302.